

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария
ВЫСОЦКАЯ

Попрошу МЕНЯ РАЗЛЮБИТЬ

Азарины-Токманы-Громы

Мария Высоцкая

Попробуй меня разлюбить

«Автор»

2022

Высоцкая М.

Попробуй меня разлюбить / М. Высоцкая — «Автор»,
2022 — (Азарины-Токманы-Громы)

Мы никогда не были парой, но всегда так мечтали ею стать. В нашей реальности это было практически невозможно. Дочь генерала и сын криминального авторитета. Холодный, закрытый мальчик и беззаботная, болтливая девочка. Лед и пламя. Данис клялся, что никогда меня не оставит, а потом женился на другой. Я любила его больше всех на свете — и потеряла в один миг. «Попробуй меня разлюбить», — единственное, что мы сказали друг другу напоследок, а потом выросли и стали чужими. Теперь он тот, кого сам всегда презирал. Человек, сосредоточивший в своих руках большую власть. Способный убить. Но иногда даже самые страшные люди способны ради тебя на всё. Именно так было со мной. Он спас меня от смерти, и теперь я не дам погибнуть ему. Мы будем вместе. Любой ценой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мария Высоцкая

Попробуй меня разлюбить

Глава 1

Несмотря на то, что я провела много часов в темноте, глаза адаптируются мгновенно, потому что здесь полумрак. Я сижу на твердом, холодном паркете, в двух метрах от дубового стола, за которым идет игра. Кажется, покер. Лампа, горящая над игроками, единственный источник освещения.

От удара по голове голоса сидящих за столом сливаются.

Я четко вижу четверых мужчин, но уверена, что там, во мраке, до которого не дотягивается свет, – есть *кто-то* еще. Инстинктивно чувствую его присутствие. А еще мне кажется, что он на меня *смотрит*. Мороз по коже.

Как только веревка на запястьях ослабевает, начинаю хаотично себя ощупывать. Рукав платья наполовину оторван и болтается где-то в районе локтя, подол тоже порван на лоскуты. То, что осталось от капроновых колготок, слезы. Кожа на коленках содрана до крови.

Растираю распухшие запястья. Боль адская, но я терплю и лишь сильнее стискиваю зубы. Судя по запахам, локация поменялась. Я не чувствую сырости и затхлости того подвала, где меня держали до этого.

Голова все еще тяжелая, губы дерет от боли.

Когда меня сюда привезли, я была без сознания, эти сволочи чем-то накачали еще в городе. Понятия не имею, сколько дней назад это было. Два? Три? Может, неделю? Я периодически приходила в себя и вырубалась. Все пыталась найти лазейку, чтобы сбежать, и молилась. Впервые в жизни мне было настолько страшно, но на помощь никто не шел.

В один из моментов просветления укусила охранника, что принес еду и воду. Хотела сбежать. Тогда он ударил меня по лицу, я стукнулась головой о пол и потеряла сознание. В себя пришла уже в этой комнате.

– Смазливая, зараза, – каркает тот, что сидит ко мне ближе всех.

– Пыл остуди. Она не для тебя. Шейх ее уже ждет, – врывается еще один скрипучий голос.

Липкий, холодный страх окутывает тело мгновенно. Я кое-как смогла взять себя в руки и даже подготовиться к смерти, но это...

Перед глазами все снова плывет, но теперь уже от слез. Я даже пискнуть боюсь, не хочу привлекать к себе лишнее внимание. Мне так страшно. Я не хочу умирать, не хочу попасть в рабство. Я хочу жить. Снова влюбиться, выйти замуж, родить ребеночка, стать настоящей актрисой. Быть просто счастливой.

Почему это все вообще со мной происходит? Мои родители состоятельные люди, они бы могли заплатить выкуп. Любые деньги. Именно это я и пытаюсь озвучить, разлепляя губы, но, как только с языка срываются первые слова, охранник, что меня сюда притащил, толкает меня в спину прикладом автомата.

Замолкаю, крепче обнимая дрожащие плечи руками.

– Говорят, Токман уже всю Москву на уши поставил, – усмехается тот, кто сказал про Шейха.

Папа? Они знают, кто мой отец, но не требуют выкуп? Хотя к чему им это, если они хотят меня продать...

– Это ему за Володьку. Эта тварь за все ответит.

Неужели они говорят о моем отце? Кто такой этот Володька и что папа ему сделал?

– Двух зайцев, Степаныч, еще и подзаработаешь на этой малолетней шлюхе.

По комнате прокатывается мерзкий гогот, и я невольно сжимаюсь сильнее, закрывая глаза, будто это может мне хоть как-то помочь.

В комнате повисает тишина. Она почти осязаемая, я ее чувствую, а еще взгляд, он меня просто прожигает. Мое лицо горит, но я не решаюсь поднять голову, чтобы попытаться получше рассмотреть темноту, в которой явно кто-то прячется.

– Я хочу ее себе.

Голос из прошлого врывается в сознание жгучим взрывом. Пузырь, который я создала, чтобы абстрагироваться от происходящего, – лопается. Кончики пальцев начинает покалывать, а язык к небу прилипает. Боязливо вытягиваю шею, потому что знаю того, кто прячется в темноте комнаты, того, кого почувствовала, как только меня сюда привели.

Я узнаю его даже через тысячи лет. Всегда.

Как такое возможно? Как он может здесь быть? Здесь, среди этих нелюдей?

Мой Данис. Моя любовь. Мой предатель.

Человек, растоптавший мои чувства и нарушивший нашу клятву...

– Любая в твоём распоряжении. Но не она, – рыкает самый говорливый.

– Но я хочу ее, – слова звучат капризом, а потом Данис Кайсаров окончательно выходит на свет. – Именно ее, – скользит по мне безразличным взглядом, от которого я покрываюсь коркой льда.

Сердце сжимается.

Когда-то он говорил, что без меня ему холодно. Что без меня он не выживет. А теперь холодно мне. Просто невыносимо, когда он рядом.

Неуклюже отползаю подальше, не сводя с него глаз. Меня колотит от его приближающихся шагов. Они хищные и абсолютно беззвучные.

Сейчас между нами пропасть размерами с Марианскую впадину. Мы не виделись больше года, и все это время я пыталась его забыть. Правда пыталась.

Жадно рассматриваю его образ, мрачность которого не спасает даже ярко-красная водолазка. Данис присаживается рядом со мной на корточки и поддевает пальцами подбородок. Сглатываю, а у самой губы дрожат.

У него руки горячие. Меня морозом обдаёт, а ему тепло. Без меня. Теперь его сердце греет другая, потому что он женат...

Предатель и трус. Я узнала о том, что он женится, прямо в день его свадьбы. У него не хватило смелости сказать мне это в глаза.

– Больно?

Дергаюсь в попытке отстраниться, но его пальцы усиливают давление. Он рассматривает мое лицо, смотрит на губы. Хмурится и аккуратно прикладывает большой палец рядом с ранкой.

Больно ли мне? Сейчас, все физическое уходит на второй план. Он рвет мою душу на клочки одним своим присутствием.

– Закрой глаза, – произносит так тихо, что слышу, наверное, только я, и резко выпрямляется.

– Что? – разлепляю губы, а потом звучит выстрел.

Звонкий, закладывающий уши звук, от которого все в этой комнате содрогается.

Выстрел. Он совершает его без эмоций. Просто стреляет в лоб тому, кто ему отказал. Я вижу, как уже безжизненная голова стучится о стол, по поверхности которого начинает струиться алая кровь.

Внутренности леденеют. Меня трясёт, а тело ватное. Я полностью обездвижена. Даже если захочу сейчас бежать, просто не смогу сделать этого физически. Не смогу подняться.

– Я же просил, – Данис делает паузу, и на его лице появляется полуулыбка, – по-хорошему. Ну почему всегда нужно усложнять? – его темные брови съезжаются на переносице, а сидящие за столом притихают.

Мне кажется, даже атмосфера меняется. Никто здесь, кроме Кайсарова, больше не чувствует себя в безопасности.

Данис смотрит на ствол, который сжимает в руке, и дает отмашку вбежавшей охране, что мгновенно заполонила комнату.

– Ее наверх, – заключает спокойно, – этого на свалку, – толкает ногой сидящий труп, и тот валится со стула на пол.

– Дан, это не..., – пытается перечить тот, что минуту назад смеялся надо мной.

– Ты меня плохо слышишь? С Шейхом я разберусь сам.

В ужасе отталкиваюсь пятками от пола, врезаюсь спиной в кожаный диван. Он только что убил человека, прямо на моих глазах.

Данис Кайсаров – мое спасение или очередной приговор?

Глава 2

– Ногами шевели, курица.

Чувствую тычок дула пистолета между лопаток и ускоряюсь, хоть и дается мне это с трудом. Лестничные ступеньки совершенно не поддаются, я даже ног своих не чувствую. Меня тошнит, и ужасно кружится голова. Еще немного, и содержимое практически пустого желудка окажется на полу.

– Пошла, – снова толчок, но теперь сильнее.

Влетаю в открытую дверь с разбега и почти сразу падаю на пол. Всхлипываю, ударившись локтем, и отчетливо слышу, как проворачивается ключ в замочной скважине, снова погружающий меня в темноту.

Едва нахожу в себе силы, чтобы отползти подальше и свернуться калачиком у батареи, от которой пышет теплом. Меня все еще трясет. Холодно. Живот сводит болезненной судорогой.

Облизываю сухие, разбитые губы и закрываю глаза.

Мамочки, как же мне страшно. Я стала свидетелем убийства.

Тот зародыш облегчения, который испытала, когда увидела Даниса, умер, не успев расцвести. Сразу после выстрела. Надежда испарилась.

Это же Данис, он не причинит мне вреда, ведь правда? Наше прошлое ему не позволит. А может, может, я все еще по-детски наивна?

Тот мальчик, что боготворил меня и человек, совершивший выстрел, – разные люди...

Мы никогда не были парой, но всегда так мечтали ею стать. В нашей реальности это было практически невозможно. Дочь генерала и сын криминального авторитета. Холодный, закрытый мальчик и беззаботная, болтливая девочка. Лед и пламя.

Он клялся, что никогда меня не оставит, а потом женился на другой. Я любила его больше всех на свете и потеряла в один миг. Когда он ушел, то забрал с собой часть меня.

Я так хотела забыть, избавиться от этой зависимости, а теперь? Что же будет теперь?

У него на пальце кольцо, дома – жена, и он методично рушит свою жизнь. Становится человеком, которого всегда презирал. Становится похожим на своего отца.

Беспощадный, холодный, способный убить.

Кем он сегодня был? Моим спасением или приговором?

От шагов на лестничном пролете мой желудок издает жалкий стон, а пульс учащается. Облизываю сухие губы и, упираясь ладонями в пол, поднимаюсь на ноги. Пошатываясь, стараюсь найти выключатель. Когда свет над моей головой зажигается, вижу открытую дверь. Она ведет в ванную. Там я и прячусь. Закрываюсь изнутри на защелку и, скинув вонючее рваное платье, залезаю под душ.

Зеркал я намеренно избегаю, даже не хочу видеть свое отражение.

Первые минут десять сотрясаюсь от рыданий. Захлебываюсь собственными слезами, сидя на дне белоснежной ванны. У меня все болит. Я не знаю, где нахожусь и что будет дальше.

Истерика подкрадывается все ближе, но я уверяю себя, что нужно собраться. Выдохнуть и ни в коем случае не расклеиваться, иначе я просто погибну.

Теплая вода обволакивает каждый участок моего тела. Запрокидываю голову и намыливаю волосы шампунем. Он пахнет яблоками.

Во рту тут же выделяется слюна, потому что я не помню, когда ела последний раз. Хорошо натерев себя мочалкой, выключаю воду и переступаю бортик ванны, только сейчас замечая висящий на крючке махровый халат. Он мне не по размеру. Хотя плевать.

Закутываюсь в мягкий темно-синий материал и не без опасений выхожу в комнату.

Запах жареного мяса щекочет вкусовые рецепторы, и слюновыделение становится более обильным. Сглатываю и делаю шаг к столику, на котором красуется ужин. Судя по темноте за окном, сейчас либо поздний вечер, либо ночь.

Беру в руки вилку и уже хочу проткнуть сочный стейк, но резко отдергиваю руку. Что, если в него тоже что-то подмешали?

Меня привезли сюда прямо из фотостудии. Я поехала туда, потому что на днях подписала контракт с магазином одежды. Мы должны были отфоткать осеннюю коллекцию.

Последнее, что помню, чай. Я выпила целую кружку зеленого чая и провалилась в темноту. Видимо, именно так меня усыпили. Глаза открыла уже в том жутком подвале, где воняло плесенью.

Отодвигаю тарелку и, захлебнувшись слюной, забираюсь на кровать. Как только голова касается подушки, тело слабеет. Кажется, чтобы провалиться сейчас в сон, мне не нужны были никакие таблетки.

Когда снова открываю глаза, сталкиваюсь с темнотой. Внутри поднимается самая настоящая паника. Неужели все это мне приснилось и я все еще в том ужасном подвале?

Ерзаю, даже не сразу соображая, что лежу на мягкой кровати, а не на твердом полу. Когда осознание приходит, мое сердце настолько разогналось, что кроме гулких ударов я больше абсолютно ничего не слышу. Приходится задержать дыхание и посчитать до десяти.

Обшариваю темноту взглядом. Требуется несколько минут, чтобы начать видеть очертания комнаты.

Окно. Именно у окна застыл мужской силуэт. Впиваюсь в него глазами, хотя сердцем уже знаю, что это *он*.

– Данис? – шепчу в темноту, подтягивая колени к груди.

Кайсаров поворачивается не сразу. Медлит. И эти долго тянущиеся минуты превращаются для меня в годы. О чем он думает? Что мне скажет? Как здесь оказался?

Он как-то связан с теми людьми? Он пошел по стопам своего отца? Он тоже хочет меня продать?

Тихие шаги только убыстряют мой пульс. Ерзаю от нервов, заламывая пальцы.

– Ты не поела.

Поела? Это единственное, что он может сейчас мне сказать? Про какую-то еду?

– Нет аппетита.

Я прекрасно вижу его очертания и даже блеск глаз. Свет попадает в комнату через окно, он тусклый, но его оказывается достаточно.

Данис поворачивает голову вглубь комнаты, а когда его внимание возвращается ко мне, вытягивает руку.

Вздрагиваю от прикосновения, а он всего лишь гладит мою щеку. Скользит по коже костяшками пальцев, вызывая на плечах россыпь мурашек. Дыхание перехватывает. Я не шевелюсь, а когда набираюсь смелости дотронуться до него, Дан резко отдергивает руку. Моя падает на одеяло следом.

Испуганно вжимаюсь в изголовье кровати, обнимая свои плечи.

– Мы уезжаем, – отрезает уже более грубо. – Переодевайся и спускайся вниз.

Глава 3

Отдаляющиеся шаги накручивают и так шаткую нервную систему до предела. Едва сдерживаюсь, чтобы не закричать и не швырнуть в Кайсарова любой предмет, который попадется под руку.

Мне до одури страшно. Но я не его боюсь, а того, что с ним стало.

– Ты просто так уйдешь? – бросаю ему в спину.

Внешне сразу подбираюсь. Откидываю влажные волосы и расправляю плечи.

Вообще, стрессоустойчивость у меня в крови. Мой отец – генерал, который с легкостью может отметать эмоции. Мама – известная певица, собирающая стадионы, она способна держать лицо в любой ситуации. Меня никогда не воспитывали нежным цветочком.

В обычной жизни я именно та девочка, которая никогда не ползет за словом в карман и не даст себя в обиду. Еще та скандалистка. И да, здравая доля эгоизма во мне тоже присутствует.

– Снова струсил? – окончательно набравшись смелости, опускаю ноги на пол. Выпрямляюсь.

Данис уже замер у двери. Именно этого я и добивалась. Смутить его. Напомнить о том, кто он на самом деле! Жалкий трус и предатель.

– А может, убьешь меня? – делаю несколько шагов к нему, хоть все еще и опасаясь оказаться слишком близко. – Как того...

Обрываю себя на полуслове, потому что Данис наконец-то разворачивается.

Обдает меня таким взглядом, что поджилки леденеют. Сглатываю, чуть запрокидывая голову.

– Почему ты здесь? С ними? – привстаю на носочки и все же касаюсь ладонью немного шершавой щеки. – Ты никогда не хотел быть таким, а теперь убил человека...

Мои слова звучат совсем тихо, их затмевают даже удары сердца.

– Он не первый, – Данис сжимает мое запястье, а потом и вовсе убирает от себя мою руку. – И явно не последний. Не обольщайся на мой счет, Катя. Я больше не тот человек, которым ты меня помнишь.

– Так не бывает, – делаю шаг, прижимаясь к его груди. Не обнимаю, нет. Мы просто стоим. Вот так, близко-близко.

Я слышу размеренные удары его сердца и свое дыхание. Запах мужской туалетной воды кружит голову, а может, это все близость? Полтора года прошло с момента, как он ушел из моей жизни, но я так и не смогла забыть. Очень хотела, но меня постоянно тянуло назад.

Такие отношения как болото. Они затягивают. А непонимание поступков только подкрепляет истерию и желание докопаться до сути. Итог – вопросов все так же много, а чувства никуда не исчезли.

– Переоденься, через полчаса мы уезжаем.

У него металл в голосе, который меня убивает.

Разве ты не видишь, что мне больно? Не чувствуешь, что я практически на грани?

У меня губы дрожат, но я набираюсь смелости, чтобы отстоять себя. Возможно, глупо, потому что снова его поддеваю. Наверное, в моей ситуации, за черт знает сколько километров от дома, мне следовало бы просто молчать. Слушаться всего, что он мне говорит. Но бунтарская натура не позволяет.

– Приказывать будешь своей жене, – цежу сквозь зубы.

Кайсаров на мой выпад никак не реагирует. Стоит так же неподвижно.

– Она и без этого послушная, – добивает с насмешкой. – Я серьезно, Катя, часа через два сюда приедут совсем не добрые дяди, и, если ты не поторопишься, трупов будет больше. Или стать наложницей в гареме шейха – это какой-то твой изощренный план?

– Пошел ты, – отталкиваю его и, круто развернувшись на пятках, бегу к кровати. Зажигаю лампу, стоящую на тумбочке, и только сейчас замечаю лежащие на кресле женские вещи.

– Размерчик не совсем твой, но других тут нет. Одевайся, жду тебя внизу.

Дверь хлопает, и все, что я могу, это показать фак от бессилия. Причем даже не Кайсарову, а захлопнувшейся дверях. Хотя он сейчас ничуть не эмоциональнее ее.

Шмыгая носом от накативших слез, натягиваю на себя серый спортивный костюм на два размера больше и всовываю ноги в кроссовки. Они, к счастью, по размеру.

Набросив на лицо капюшон, выхожу из комнаты. Как только оказываюсь за ее пределами, страх тут же поднимает голову. Привстав на носочки, вытягиваю шею, чтобы посмотреть, что происходит внизу.

– Готова?

Данис появляется за моей спиной слишком внезапно. Он все это время был поблизости?

– Ты меня пугаешь, – резче, чем планировала, поворачиваюсь к нему лицом, роняя со своей головы капюшон.

Все это время мы видели друг друга в полумраке, света было слишком мало. А теперь он яркий.

Замечаю блеснувший в карих глазах гнев. Дан прищуривается, внимательно рассматривая мои разбитые губы и припухшую щеку. Касается пальцами подбородка.

Мы стоим у стены, я прижалась к ней спиной и боюсь пошевелиться. На глаза наворачиваются слезы. Мне больно, очень больно, но, когда на это так ярко не обращают внимания, у меня получается игнорировать эту боль.

Всхлипываю, к своему стыду, и все же пускаю слезу. Соленая капля катится по щеке, а потом Данис аккуратно стирает ее большим пальцем.

– Я верну тебя домой, – он переходит на шепот и смотрит в мои глаза, – Катенька.

От звучания своего имени, произнесенного его голосом, я готова рыдать еще громче. Меня начинает потряхивать от переизбытка эмоций. Их сегодня слишком много. Психика не выдерживает, еще немного, и я просто с ума сойду.

Смотрю Данису в глаза и хочу, чтобы обнял. Пожалуйста, обними меня и скажи, что все будет хорошо. Я поверю. Сейчас я во что угодно поверю.

Но вместо этого он лишь спрашивает:

– Кто из них?

Непонимающе пялюсь на него во все глаза.

– Кто из них это сделал? – он снова касается моих губ. Аккуратно, едва ощутимо.

– Не знаю.

– Врешь.

– Я не хочу, чтобы ты их...

Замолкаю, потому что язык не поворачивается произнести – «убил»

Дан смотрит на меня с интересом, как зверушку разглядывает, а потом, широко улыbnувшись, обдает лукавым прищуром.

– Я, кажется, понял, – выдает с усмешкой. – Ты меня спасаешь?!

А что я еще могу, если не хочу видеть тебя таким? Что мне еще делать?

Нервно передергиваю плечами, а когда на лестнице слышатся шаги, рефлекторно прячусь за Даниса.

– Дан, надо поторопиться.

– Мы уже, правда, Катюша?

Рассеянно киваю, стараясь не смотреть на поднявшегося охранника, ну или кто он, в черном костюме.

– Я поеду с ней, ребята за мной. А ты знаешь, что делать.

«Костюм» кивает и, громко топая, сбегает вниз. Деревянная лестница под его ногами поскрипывает.

– Идем.

Данис протягивает руку, в которую я без эмоций и протеста вкладываю свою ладонь.

Оказавшись на улице, жадно хватаю ртом прохладный ночной воздух.

Осматриваюсь. Судя по всему, мы где-то далеко за городом. Тянусь, чтобы закрыть дверь машины, и слышу выстрел. Один. Два. Три. Все они там, в доме, из которого мы только что ушли.

Громкие хлопки срывают последние остатки выдержки.

С ужасом в глазах смотрю на Кайсарова, который невозмутимо заводит двигатель и просит меня пристегнуться.

– Я хочу позвонить папе. Дай мне телефон.

– Не сейчас.

– Теперь я твоя заложница?

Кайсаров смотрит на меня как на дуру, мол, что ты несешь?! Но телефон при этом все равно не дает.

Глава 4

Мы едем всю ночь. Рассвет встречает нас грозовым небом. Крупные капли дождя стучат по стеклу. Наблюдаю за скользящими в режиме нон-стоп дворниками.

На календаре пятое октября. Я пробыла в плену почти четыре дня, но в моем сознании они слились в одни нескончаемые сутки. Теперь еще и пейзажи за окном не меняются. Мы едем больше шести часов, и все, что я вижу, это дождь и протяженную лесополосу. Уснуть не получилось ни тогда, когда было темно, ни сейчас.

Где мы, Кайсаров так и не сказал. Он старается отделяться от меня общими фразами. Это похоже на что-то вроде: «Скажи спасибо, что я вообще тебя спас, и не открывай лишний раз свой рот».

Снимаю кроссовки и подтягиваю колени к груди, упираясь пятками в мягкое кресло, перетянутое алькантарой. Озноб уже отпустил. Мне тепло. Хотя, возможно, дело в работающей системе обогрева. Но вот во рту сухо, как в самой жаркой пустыне мира.

– Я пить хочу, – подаю голос, с трудом разлепив губы. Они, к моему ужасу, опухли еще сильнее.

Даже страшно представить, когда теперь все эти гематомы на моем лице пройдут.

Данис щелкает по сенсорному дисплею, смотрит карту. Я тоже смотрю и совершенно не радуюсь тому, что вижу. Кругом одни леса и одна-единственная дорога, по которой мы едем.

– Через пять километров будет заправка. Остановимся.

– Спасибо.

Впервые за время, что мы находимся в замкнутом пространстве салона, я решаюсь посмотреть на Кайсарова. Он ведет машину одной рукой. На нем все та же красная водолазка и черные брюки. Удивительно, но раньше он терпеть не мог яркие цвета. Неужели это влияние его жены? Она смогла внести в его жизни краски?

Зачем я об этом думаю? Куда вообще лезу? Он убил человека на моих глазах, растоптал мое сердце полтора года назад, нарушил нашу клятву...

Сама себя за это ненавижу, но, вопреки здравому смыслу, продолжаю его рассматривать.

Данис закатал рукава до локтя, поэтому я прекрасно вижу его жилистые загорелые предплечья и кисти. Длинные пальцы обхватывают руль без какого-либо напряжения. Он собран, но расслаблен одновременно.

Все, что произошло этой ночью, его ни капельки не смущает, словно что-то подобное он видит каждый день. Сейчас от него веет непоколебимой уверенностью, а еще пугающей до чертиков опасностью.

Что же с ним произошло?

Я помню парня, у которого были принципы, который любил животных и никогда, никогда и пальцем бы никого не тронул.

Смотрю выше. Врезаюсь взглядом в острый подбородок.

Удивительно! За этот год внешне он почти не изменился, разве что теперь ходит с легкой щетиной, чего раньше себе не позволял. Но эти карие глаза в обрамлении длинных, пушистых ресниц... Они другие.

Там нет искры жизни. Они пустые. Холодные. Безразличные ко всему происходящему.

Наверное, поэтому я и избегаю прямого контакта. Боюсь коснуться той пучины, что в них сосредоточилась. Стоит лишь неловко ступить, и тут же увязнешь в зыбких песках. От одной только мысли холодом обдает.

– Тебе воду негазированную?

Вздрагиваю и растерянно киваю. Совсем не заметила, что машина уже остановилась на парковке автозаправки. Пока Кайсаров идет за водой, моя рука тянется к смартфону, который он оставил на сиденье.

Воришкой хватаю телефон, но, как только щелкаю по экрану, меня настигает разочарование. Он, конечно же, запаролен. Пока я сжимаю прохладный металлический корпус без чехла в ладони, на телефон падает сообщение.

Текста не видно, но вот имя отправителя красуется.

Лия.

Я слышала только про одну Лию в своей жизни. И это именно та, на ком женился Данис. Почему так произошло, я не знаю. За два дня до этой чертовой свадьбы мы обсуждали, куда полетим отдыхать, а потом, потом он ушел. Молча, без скандалов, грязи. Без объяснений.

Просто попросил его разлюбить. В долгу я не осталась, попросила о том же. Но в ту минуту, когда мы смотрели друг на друга, я видела, что ничего еще не закончено.

Бросаю телефон обратно и выбираюсь из салона. Жадно вдыхаю влажный, пропитанный дождем воздух и, сложив руки на груди, направляюсь к магазину на автозаправке. Боковым зрением замечаю машину охраны, она едет за нами все это время.

Ступаю на решетку, и автоматические двери разъезжаются в стороны.

Данис меня не видит. Стоит на кассе, расплачивается как раз.

Прошмыгиваю к туалету, где, к счастью, нет очереди, и закрываюсь на защелку.

Удивительно, но в этом месте вообще почти никого нет. Один работник и две наши машины. Глухомань какая-то.

Быстренько сделав все свои дела, собираюсь выйти в зал. Толкаю дверь и почти сразу напарываюсь на Дана. Он стоит, опираясь на стену.

– Поехали, – поддевает меня под руку и практически выволакивает на улицу, потому что шаги у него быстрые, а я едва ногами успеваю перебирать. – Твоя вода, – впихивает мне в руки бутылку.

– Спасибо, – сворачиваю крышку с пол-литровой бутылки и жадно выпиваю практически половину ее содержимого. – Тебе сообщение, – киваю на телефон, который валяется на сиденье.

– Надеюсь, в этот раз ты не выкинешь его в окно?

Он надо мной смеется?

Год назад мы встречались на даче наших общих друзей. Я тогда была на нервах, и присутствие Кайсарова играло в этом чуть ли не главную роль. Тогда мой спектакль в идеальную жизнь провалился.

Весь вечер Дан делал вид, что я ему неинтересна, а когда я поднялась в выделенную мне спальню, он лежал на кровати прямо в ботинках. Такая злость тогда взяла. Именно тогда я швырнула его мобильник в окно.

– Как ты оказался в доме, где меня держали? – меняю тему в надежде, что он расскажет мне чуточку больше. Потому что теперь даже слегка улыбается, правда, ровно до того, как я открываю рот.

– Не задавай вопросов, ответы на которые тебе не понравятся, Катя. Можешь позвонить отцу, – протягивает мне телефон.

– Они сказали, что папа в чем-то виноват? Что это значит?

– Понятия не имею. Ты будешь звонить или нет?

Как только мои пальцы касаются сенсоров, на территорию заправки заезжает еще одна машина. Большой черный внедорожник.

Мельком смотрю в сторону припаркованного автомобиля, а потом абсолютно случайно задеваю глазами Даниса.

Он по-прежнему стоит рядом, но только теперь я отчетливо чувствую его напряжение.

– Все в порядке? – бормочу, а саму холодом обдает. Снова.

– Сядь в машину, Катя. И не возвращайся сюда, что бы ни произошло. Вот.

Он протягивает мне брелок.

– Ключи?

– В навигаторе забит маршрут, – продолжает на пониженной ноте. – Тебе нужно просто не сбиться с курса.

– А ты?

В ужасе кручу головой по сторонам. Ветер задувает под толстовку, и я ежусь.

– А я приеду чуть позже. Километров через сто пятьдесят будет город. Езжай в гостиницу, она занесена перевалочным пунктом. Когда доберешься, жди меня там. Если к трем часам я не приеду, бросай тачку и езжай к границе на автобусе. Предварительно позвони отцу.

– Я не понимаю...

– В машину садись, – повторяет, как только в приехавшей машине начинается какое-то движение. – В бардачке есть деньги и пистолет, – добавляет как само собой разумеющееся, а потом, потом крепко меня обнимает.

На глаза тут же наворачиваются слезы.

Глава 5

Машина большая. Я очень плохо чувствую ее габариты. Плюс дождь, в глазах рябит от скользящих по стеклу дворников. Я постоянно смотрю в зеркала заднего вида в страхе увидеть следующую за мной машину. Тот внедорожник.

Телефон Дана лежит на пассажирском кресле. Ему еще звонили. Несколько раз. Отец, какой-то незанесенный в телефонную книгу номер и... Лия.

Крепче сжимаю руль, стараюсь смотреть на дорогу и не отвлекаться.

Когда до города остается меньше двух километров, внутренний ужас достигает апогея. Я торможу на обочине и, выскочив из салона, опустошаю желудок.

Пальцы дрожат, да я вся дрожу. Еще и дождь. Ледяные капли затекают за шиворот толстовки. Ежусь и забираюсь обратно в машину.

В отель, отмеченный на картах, добираюсь минут через пятнадцать. Документов у меня нет, но за дополнительную плату администратор, она же по совместительству хозяйка, спокойно заселяет меня в самый лучший номер.

Самым лучшим, да и вообще номером в моем обычном понимании, это назвать сложно.

Комната с маленьким окном, в который попадает так мало света. Кровать, китайский телевизор с небольшим плоским экраном, шторы не первой свежести и обшарпанная дверь в санузел. Смотрю на нее, и заглядывать туда абсолютно не хочется.

Снимаю кроссовки и прохожу вглубь комнаты. Перед этим, конечно, закрываю дверь на ключ, а потом еще и на защелку.

Какое-то время хожу по номеру из стороны в сторону, сжимая в руках телефон. Решаю, что же мне делать.

Позвонить папе сейчас будет ошибкой. Он сразу поднимет людей и заберет меня.

А Данис? Что же будет с ним? Я должна его дожидаться. Он приедет. Я точно знаю, что он приедет.

Его не убьют. Не могут убить...

А я не могу его оставить. Он же меня не оставил сегодня.

Дрожащей рукой сворачиваю крышку с бутылки и допиваю остатки минералки, которую принесла с собой из машины.

Забираюсь на кровать с ногами, а потом и вовсе сворачиваюсь на ней калачиком. Меня душит страх и неизвестность.

Как до этого дошло? Почему все это происходит с нами?

Мы познакомились с Данисом в школе. Нам по семнадцать было.

Меня угораздило запереться в мужскую раздевалку.

Я только-только перевелась в лицей вслед за двоюродным братом, которого выперли из прошлой школы за то, что он взломал систему безопасности. Без Тима мне стало там слишком скучно, поэтому я уговорила родителей забрать документы.

Новый лицей был не хуже предыдущего. Класс встретил прекрасно. Я быстро нашла со всеми общий язык и почти с первого урока завела новых подружек.

Прямо после уроков, перед дополнительными занятиями, в туалете сорвало кран и меня окатило водой. Девчонки сказали, что в раздевалках у спортзала есть фены и утюги, предлагали помощь.

Но я, честно говоря, была в таком шоке, что никого видеть не хотела. Мокрая, с растекшейся тушью...

Хотелось побыть одной. Привести себя в порядок, а может, поплакать из-за этого дурного происшествия. Я представляла себя блистающей звездой, когда утром собиралась в новую школу, а теперь выгляжу как баба-яга.

Именно из-за своего отказа от помощи и полнейшего топографического кретинизма я оказалась в мужской раздевалке. Поначалу даже не заметила ничего. Залетела туда и начала стаскивать рубашку, а когда поняла, что кроме меня здесь кто-то есть, выронила ее из рук и подняла голову.

ПРОШЛОЕ

И вот мы стоим друг напротив друга, я в юбке и лифчике, а тогда еще незнакомый мне темноволосый мальчик – в джинсах и с голым торсом.

– Катя!

Я тогда ничего лучше не придумала. Только протянуть руку, чтобы не выглядеть дурой, которая шляется по мужским раздевалкам.

Угрюмый мальчик моей улыбки не оценил. Только раздраженно пробежался глазами по телу. Грудь в бюстгалтере, я к тому моменту уже успела прикрыться полотенцем, которое схватила с лавки. Кажется, оно было его.

– Прости, – бормочу все с той же дурной улыбкой, а сама разглядываю его во все глаза.

Смуглый. Выше меня. При моих ста семидесяти пяти в нем явно больше метра восьмидесяти. Волосы темные, еще немного влажные и растрепанные. Глаза миндалевидные, цвета какао. Острый подбородок, немного выступающие угловатые челюсти. Ресницы длинные и пушистые. Он красивый.

Не смазливый, как наш Тимошка, тот, что мой двоюродный брат.

Нет, у него притягательная внешность, возможно, немного грубоватая.

– Ты так и будешь здесь стоять? Катя...

Вздрагиваю.

У него такой голос глубокий, обволакивающий все мое существо.

Мурашки взлет по телу, и сердце отчего-то как ненормальное стучит. Быстро-быстро. Заглушает все посторонние звуки. Если сюда сейчас кто-то вломится и увидит эту занимательную картинку, я даже не услышу.

– Это мужская раздевалка.

– Я уже поняла, – снова как дурочка улыбаюсь. – Я первый день здесь.

– Знаю. Ты новенькая в нашем классе.

– Правда?

Мой рот приоткрывается, потому что я отчаянно пытаюсь его вспомнить, но никак не получается. Меня представили десятку человек сегодня. Это не было волнительно, я быстро нахожу общий язык с людьми и вливаюсь в коллектив. Девчонки меня радушно приняли, мальчики – тоже. Но почему я его не помню?

Он высокий, красивый. Загадочный такой. Его нереально не заметить.

– Я тебя не запомнила.

– А должна была?

На его губах появляется усмешка.

– Тебя сложно не запомнить, – поясняю прямолинейно.

– Кажется, это взаимно. Катя.

Второй раз за пять минут ловлю себя на мысли о том, как именно он произносит мое имя. С теплотой какой-то. Будто по слогам проговаривает, акцентируя ударение на первой «а».

Щеки наливаются краской. Это единственное, что меня выдает. Наверное. Хотя обычно смутить меня сложно.

– Может быть, представишься, загадочный мальчик?

Он прыскает от смеха, а сам разглядывает меня, теперь еще внимательнее. Это трудно не заметить. Его очаровательные глаза скользят по мне с пытливым интересом. Кажется, я ему понравилась. От одной только мысли на сердце теплеет.

– Данис, – произносит на выдохе, когда наши глаза сталкиваются.

Я не знаю, что именно происходит в этот момент, но каждая клеточка моего тела и души замирает. Кончики пальцев покалывает от волнения, и я переступаю с ноги на ногу.

– Красивое имя, – выдаю полушепотом.

– Красивая ты.

Данис прищуривается. Его рука дергается, будто он хочет меня коснуться, но обрывает себя уже в мыслях. Убирает ладонь в карман джинсов, а мой взгляд скатывается к его шее, скользит по ключицам, робко добираясь до рельефного живота.

Кажется, мой новый друг очень близко знаком со словом спорт.

– Почему ты мокрая?

Очевидный, но совершенно неожиданный для меня вопрос застает врасплох. Теперь я представляю, как на самом деле выгляжу. Волосы мокрые, рубашка – тоже. К счастью, она не на мне.

– В туалете сорвало кран, –жимаю плечами. – Мне сказали, что в раздевалках у спортзала есть фен и утюг. Через пятнадцать минут дополнительные занятия начнутся, до жилого корпуса я не успею сбегать, чтобы переодеться. Не хочется опаздывать в первый день.

– Держи, – он протягивает мне свою футболку, которую достает из спортивной сумки. – Она чистая. Я только пришел на тренировку, не надевал еще.

– Спасибо.

Забираю из его рук футболку, и Данис тут же отворачивается, позволяя мне переодеться.

– Я все, – оттягиваю низ футболки.

– Можешь просушить тут. Сюда в ближайший час никто не придет.

– Почему?

– У меня индивидуальная тренировка в зале карате. Раздевалка на ближайший час в моем полном распоряжении.

– Почему тебя не было на занятиях?

– Вылет задержали.

– Ах, да ты был на отдыхе? – воодушевляюсь. Потому что так люблю путешествовать. – Где? Я обожаю горы. Неплохо катаюсь на лыжах, а вот борд не поддается.

– Не на отдыхе.

Данис едва заметно улыбается, но глаза при этом ни капли не разделяют этот огонек веселья.

– Ясно, – вожу носом туфли по плитке. – Где здесь утюг?

Меняю тему, потому что, судя по всему, он не настроен со мной болтать.

– Там.

Смотрю в сторону его кивка и, подхватив рубашку, уже хочу туда направиться.

– Давай я помогу. Высуши волосы, иначе точно не успеешь на свое занятие.

Теплота внутри меня сейчас похожа на солнышко. Такой же огромный, практически необъятный шар, заливающий светом изнутри.

– Спасибо, – без лишних вопросов доверяю ему свои вещи, а сама бегу к зеркалу сушить волосы.

Пока чиню укладку, Данис справляется с глажкой, и вот пятнадцать минут спустя я выгляжу так, словно меня не окатило водой из сорванного крана.

– Ты меня очень выручил. Давай обменяемся телефонами, – лезу в сумку за смартфоном.

– Не стоит.

Его слова как ушат ледяной воды. Я тут же теряюсь и не знаю, куда себя деть. Обычно мальчики сами просят мой телефон, говорят комплименты и хотят дружить, а тут...

– Ты вроде спешила.

Его губы снова трогает милая улыбка. Рассеянно киваю и убираю телефон обратно.

– Не обижайся, – добавляет уже тише, – поверь, дружить со мной не самая хорошая идея.

Глава 6

Знаю, что мои слова ее обижают. Читаю это в карих глазах. Они пышут жизнью, задором. И даже когда Катя сникает, хоть и старается этого не показывать, в ее глазах не угасает огонь. Яркие языки пламени манят на свое тепло, о которое в итоге можно обжечься.

Я зря не выгнал ее из раздевалки сразу, как она тут появилась.

Моя новая знакомая откидывает за спину тяжелые темно-каштановые локоны и расправляет рубашку. На все это ей требуется полминуты. Буквально на это время наш визуальный контакт рвется. Как только это происходит, через меня проходит разряд тока. Ощущение какой-то колоссальной потери нарастает с каждой пройденной секундой.

Сглатываю в ужасе от происходящего. Я понятия не имею, что со мной, и, наверное, впервые в жизни чувствую себя подонком, потому что обидел девчонку.

Катя...

Четыре буквы, которые вертятся на языке. Мне не привыкать отталкивать от себя людей, и обычно я никаких эмоций по этому поводу не испытываю. Но сейчас почему-то все иначе.

Катя... Она будто изнутри светится. Ослепляет своим сиянием. На нее невозможно не обращать внимания. Невозможно остаться равнодушным. К ней тянешься против своей воли.

Красивая. Яркая. У нее приятный голос и очаровывающий смех.

Завязываю пояс на кимоно, чтобы хоть чем-то себя отвлечь, и закидываю полотенце на плечо. Катя все еще здесь, напротив. Она не убежала после моих слов, не хлопнула дверью и не расплакалась. Хотя чередой этих реакций девочкам присуща.

Она проявила дружелюбие, а я выставил себя тем еще козлом.

– По-моему, – вдруг выдает с улыбкой, – ты на себя наговариваешь.

Ее плечи чуть подпрыгивают вверх и мгновенно тянутся вниз. Лицо приобретает немного озадаченный вид.

– Но если ты настаиваешь, то да, нам, конечно, не стоит дружить. Спасибо за помощь.

Она выскальзывает за дверь так же бодро, как и влетела сюда. Лишь витающий в воздухе запах ее сладких духов продолжает напоминать о том, что она здесь присутствовала. Им же насквозь пропиталось и мое полотенце. Это я понимаю уже в середине тренировки, когда пару раз вытираю с лица пот.

В комнату возвращаюсь уже под вечер. Ложусь на идеально заправленную кровать поверх покрывала и беру в руки книгу. Учебник истории за десятый класс. С ним в обнимку и вырубаясь.

Утро сопровождается недосыпом и тяжестью в мышцах после вчерашней тренировки. Летом я изрядно подзабил на спорт. Поэтому входить сейчас хоть в какой-то режим – сложно.

Принимаю душ и переодеваюсь во второй комплект немятой школьной формы.

В классе сажусь на свое привычное место через парту от Королева и Азарина. Если я правильно понял, Катя – двоюродная сестра последнего.

Как только она появляется в классе, я это чувствую. Мне даже голову не нужно поднимать, чтобы понять – вот она, зашла.

– Я сяду? – шелестит прямо над моим ухом.

Приходится сделать над собой усилие, чтобы посмотреть на нее и не выглядеть при этом ослом. Здесь как минимум еще четыре свободных места, но она нарочно садится ко мне.

Без слов отодвигаю ей стул. Молчу.

Катя усаживается и начинает раскладывать свои вещи. Шариковая ручка с пушистым колпачком вызывает улыбку. Видимо, Катя замечает мою ухмылку, потому что сбоку раздается недовольное:

– Я сделала что-то смешное?

Отрицательно качаю головой. Выдыхаю и только тогда поворачиваюсь. Тут же встречаюсь с ней глазами.

– Забавная штука, – указываю пальцем на ее ручку.

– Ох, это целая история, – она мгновенно забывает о том, что секунду назад недовольничала, и начинает взахлеб рассказывать историю, как купила эту ручку на каких-то развалинах и даже выторговала целых десять рублей.

Улыбаюсь скорее по инерции. Ее позитив явно передается воздушно-капельным путем. Глядя на нее, невозможно оставаться безэмоциональным бревном. Коим я и являюсь большую часть жизни.

– Вот, представляешь? – заканчивает свой рассказ и тянется к моим запонкам.

Терпеть не могу, когда вторгаются в мое личное пространство или трогают мои вещи, но ей позволяю. Ее интерес меня не раздражает.

– На них гравировка? Что там написано? Я немного слепая, – переходит на шепот.

– Ничего особенного, – отдергиваю руку и внутренне радуюсь зашедшему в класс физику.

Катя поджимает губы и без слов переводит взгляд на доску, на которой появляется слайд с темой урока.

Касаюсь кончиками пальцев холодной платины, ощущая под пальцами мелкие выгравированные буквы: «Когда-нибудь мы встретимся вновь», – маминым почерком.

Ее не стало, когда мне было семь. Ее убили. Жестоко, прямо на моих глазах. Этот день до сих пор снится мне в кошмарах. Окровавленное платье и шепот. Она умоляла их меня не трогать...

Я буквально недавно нашел мамин блокнот, в котором она писала стихи.

Когда-нибудь мы встретимся вновь, – просто строчка из ее стихов, показавшаяся мне символичной. Может быть однажды, я снова смогу ее увидеть. Возможно, это наивно и по детски, но разве кто-то может запретить мне верить?

– ...будет проверочная, так что готовиться придется всем.

Голос физика становится громче. Промаргиваюсь, понимая, что урок закончился.

Катя уже стоит у двери с девчонками, они хихикают, а потом уходят.

Рука Королева ложится на мое плечо. Реакции все еще заторможенные.

– Чего? – выдаю без интереса, в своей привычной манере.

– На вечер забываемся с «бэшками» в баскет сыграть. Ты в деле?

Смотрю на пустующий дверной проход. Киваю.

– Класс. А то Азарин сливается. Походу, Янке сегодня счастье перепадет.

Королев сам же ржет над своей шуткой, пока не получает от Тима, того самого Азарина, затрепину.

Вечером мы с параллельным собираемся на улице. Катя тоже здесь. Сидит на трибуне и о чем-то болтает с Курьяновым из одиннадцатого. Несколько раз ловлю себя на том, что плююсь на нее. Перед глазами, как в раскадровке, ее улыбка и то, как кокетливо она обмахивается рукой или закидывает волосы за спину.

Злюсь. Понятия не имею, на что, но отчего-то жутко бешусь.

Курьянов травит ей свои тупые истории, в которых он герой в кубе. На деле же правды там с наперсток.

Катя хохочет. Ее звонкий смех застревает в моей голове. Я пропускаю пас и раздраженно бью кулаком о сетку.

– Бля, Дан! – вопит кто-то из парней.

Игнорирую выпад в свою сторону и с каменной рожей продолжаю игру.

Не смотреть на нее. Просто не смотреть.

Срываюсь уже на второй минуте. Курьянов до нее дотрагивается. Легкое прикосновение к плечу, а меня коротит. В мозг поступают сигналы, и все, как один, – убить. Закопать этого «мачо» прямо здесь.

– Сами, – бросаю мяч Королеву и без слов ухожу к себе.

Дверью хлопаю с такой силой, что она вот-вот слетит с петель.

Падаю на кровать, упираясь локтями в колени, и обхватываю голову ладонями.

Нам нельзя дружить. Нельзя общаться. Любые контакты со мной ничем хорошим для нее не закончатся.

Глава 7

С появлением Кати моя привычная жизнь резко идет под откос.

Ее сложно не замечать, хоть я и стараюсь. Ее активность просто зашкаливает. Дополнительные занятия, школьные выступления, спорт...

О ней все говорят, с ней все дружат.

Нет такого дня, чтобы я от кого-то не услышал про Токман. Девочка затмила всех в этой школе буквально за несколько недель. Как бы я ни старался, держаться от нее подальше у меня не получается.

Сложно дистанцироваться от человека, который постоянно либо на слуху, либо перед глазами.

Держусь от нее особняком, но это не помогает. Все равно думаю про нее двадцать четыре на семь.

Раньше такого тотального помешательства со мной не случалось. Выгляжу в своих же глазах полным дебилом. Радует лишь то, что сегодня пятница. Впереди меня ждет сорок восемь часов вне школы.

– Мы на химию не пойдем, – сообщает Андрей Королев. – Ты с нами?

Уроки я не прогуливаю. Не вижу в этом смысла. Но сегодня соглашаюсь, и то только потому, что не хочу сталкиваться с Катей. На химии она тоже подсела ко мне, нагло проигнорировав мое предупреждение о дружбе.

– С вами.

Королев пару раз хлопает глазами, видимо пытаюсь переварить услышанное.

– Я тебя правильно...

– Правильно. Так мы идем или будем сплетничать? – ухмыляюсь и закидываю на плечо рюкзак.

– Идем.

Дюша ускоряется. Азарин же маячит рядом. Уже на спортплощадке, пока мы по очереди набиваем мяч, Тим перебрасывает его Королеву и резко поворачивается ко мне.

– Ты на Катюху, что ли, запал? – интересуюсь с ухмылкой.

– С чего ты так решил? – откидываю челку назад и убираю руки в карманы брюк, чтобы не выдать свою нервозность.

А она есть. Он озвучил то, в чем я не очень-то хочу себе признаваться.

– Вижу. Ты на нее вечно пялишься и думаешь, что этого никто не замечает. Я вот заметил, – поясняет с ухмылкой.

– Лечи близорукость. А лучше купи очки, потому что со зрением у тебя херово. Как и с наблюдательностью.

Азарин стирает со своей рожи улыбку и демонстративно сжимает-разжимает кулаки.

– Драться я с тобой не буду, – обозначаю сразу, потому что понимаю, куда все идет.

– Ссышь? Или я рожей не вышел?

– Не хочу тебе что-нибудь сломать. Случайно, – как бы между делом поясняю. Интонации намеренно выбираю такие, словно объясняю ребенку, что Земля круглая.

– Это мы еще посмотрим, – Тим подается вперед. Явно готовится ударить первым.

– Пацаны, вы серьезно? – Дюша забывает про мяч. Подлетает к нам за секунды, расставляя руки в стороны. Будто он сможет помешать, наивный.

– Кайсаров, ты вечно нарываешься, – Азарин прищуривается, похрустывая шеей.

– Сходи пожалуйста мамочке, – предлагаю с улыбкой.

– Сучоныш!

Тим срывается с места. Дюша срабатывает как щит всего на пару секунд, время с ним не выиграешь. Азарин злится и именно поэтому теряет преимущество. Ярость не спутник победителя. К сожалению, это тоже эмоция. Но, если ты хочешь выиграть, голова должна оставаться холодной. Прямой расчет и никаких сантиментов.

Подсечка. Бросок. Соперник лежит на земле. Если сейчас пожестить, то можно вывернуть ему руку. Но я этого, конечно, не делаю. Просто отступаю.

– Я предупреждал, – протягиваю ладонь, чтобы помочь Тиму подняться.

Он все еще бесится, но помощь мою принимает. Резко подтягиваю его вверх. Можно сказать, что примирительное рукопожатие состоялось.

Снова убираю руки в карманы, наблюдая за тем, как Азарин отряхивает свои штаны от пыли.

– Так, значит, Катька побоку? – не унимается. – Я правильно понимаю?

– Именно. Абсолютно безразлична.

– Ладно. Просто она про тебя спрашивала, я и подумал...

Она про меня спрашивала? Когда? Что он ей ответил? Вопросов в голове миллион. Но проявить сейчас любопытство равно подтвердить Азаринскую догадку. Поэтому не реагирую.

– Даже не спросишь, что именно спрашивала?

– Мне это не интересно. Королев перешел две сотни, он сегодня выиграл, – киваю на Андрея, который вернулся набивать мяч.

С этими словами иду к себе и, будто по насмешке судьбы, наталкиваюсь на Катю. Сначала я слышу громкий всхлип, словно кто-то плачет или вот-вот расплачется. Бегло осматриваю пространство. Звук идет из-под лестницы. Делаю пару шагов и вот теперь – вижу Катю.

Она сидит на полу, подтянув колени к груди.

В голове проносится сотня предположений в секунду. Что у нее произошло? Ее кто-то обидел? И куда смотрел ее тупоголовый брат? Вместо того чтобы выяснять отношения со мной, мог бы заняться чем-то куда более полезным. Не давать сестру в обиду, к примеру.

– Что случилось?

Присаживаюсь на корточки рядом с ней.

Катя шмыгает носом. Медлит. Смотрит на меня не сразу, видимо, решает, стою ли я сегодня вообще ее внимания. Ну или просто не хочет, чтобы ее видели заплаканной.

– Эй, – поддеваю ее ладонь. – Это какая-то тайна? Тебя кто-то обидел? Ты поранилась?

Сыплю догадками, потому что совсем не понимаю, что с ней происходит.

Смотреть на нее вот такую не могу, внутри все огнем горит. Пройти мимо, не могу тем более.

– Нет, – опять всхлипывает. – Котенка сбили, – выговаривает на вдохе и снова начинает рыдать. Теперь еще громче.

– Какого котенка? – как баран на нее пялюсь.

Катя бросает на меня полный отчаяния взгляд и закусывает губу. Мне почему-то очень в этот момент хочется ее обнять. Может, потому, что она выглядит несчастной?

– Нашего. Он два дня назад из дома сбежал. Лидочка упустила. А сегодня папа его на дороге возле поселка нашел. Мерт... – глотает окончание и взрывается новой волной слез. – Он совсем маленький, мне его прямо перед новым учебным годом подарили. Ну вот как его можно было сбить?

Сглатываю вставший в горле ком. Триггерит.

Буквально на секунды выбивает из реальности. Я так четко слышу выстрел и скулеж своей собаки. Пьяный смех отца. Стоп!

Смаргиваю. Смотрю на Катю и заземляюсь. На удивление ее присутствие помогает сделать это без колебаний. Отбросить воспоминания, не думать.

– Пойдем, – тяну к ней руки. Дотрагиваюсь. Наверное, впервые за все время, что мы знакомы, прикасаюсь к ней не вскользь. Прижимаю ладони к подрагивающим плечам и аккуратно подтаскиваю Катю вверх.

– Куда? – она смотрит на меня во все глаза.

Они у нее красивые, несмотря на то, что заплаканные. Ресницы слиплись и теперь обрамляют глаза не пушистым веером, а, скорее, колючей елочкой.

– Съездим в одно место. Только куртку возьми.

– Я не хочу никуда ехать.

Катя отступает, а мои ладони соскальзывают с ее плеч. Тут же прячу их в карманы. Я начинаю переходить черту, что сам же нарисовал между нами.

– Это займет час, – не настаиваю, но и просто уйти сейчас не смогу.

Мы стоим друг напротив друга. Я продолжаю пожирать Катю взглядом, а потом теряю над собой контроль и касаюсь большим пальцем ее щеки. Вытираю слезинки. Замираю.

Мои пальцы все еще прикасаются к ее лицу. Катя тоже не шевелится, только губы приоткрывает. Смотрит.

Визуальный контакт меня сжирает. Я чувствую, как удары моего сердца становятся более быстрыми. Сглатываю.

– Вместо того чтобы плакать, – говорю шепотом, – ты сможешь сделать доброе дело.

На секунду представляю, как выгляжу со стороны. Идиотом, наверное.

Катя всхлипывает, но часто кивает.

– Я тогда вызываю водителя? – смотрю куда-то за свою спину.

– Да.

Достаю телефон и набираю номер Славы. Он и так должен был уже за мной выехать, пусть поторопится.

– Тогда бери куртку, я тебя внизу подожду, хорошо?

– Нет, – Катя хватает мою руку, не позволяя сдвинуться с места. – Пойдем со мной. Ладно? Я быстро.

Глава 8

Заглядываю Данису в глаза. Он кивает, а я все никак не могу выпустить его руку из своей. Шмыгаю носом и смотрю себе под ноги. Данис крепче сжимает мои пальцы.

Вздрагиваю и ловлю взгляд карих глаз. Залипаю на этом моменте. Чувствую тепло, исходящее от его тела, а ещё успокоение. Возможно, мнимое, потому что мое горе никуда не делось.

Когда мама рассказала про Перси, я отреагировала спокойно. Она бы вообще про такое по телефону не сказала, если бы не охающая Лидочка на заднем плане. Я услышала, как она сокрушалась, что виновата в смерти Перси, – ведь это она случайно выпустила его из дома. Вот маме и пришлось все мне рассказать...

Я и правда держалась стойко. Даже не всхлипнула. Только внутри все сжалось, а потом... потом нахлынуло. Картинка перед глазами стала мутной, и до своей комнаты я уже не дошла. Спряталась под лестницей. Подальше от чужих глаз.

Чувствую, как по щекам снова катятся слезы, но смотрю при этом на Даниса.

Он поджимает губы, будто раздумывает, что ему теперь со мной делать.

Вляпался по своей же инициативе. А ведь мог пройти мимо. Возможно, именно сейчас он и жалеет о содеянном.

– Я пойду, – сглатываю соленую воду, попадающую и в рот, и в нос.

– Я с тобой, – выдает приглушенно.

Как только слова срываются с его языка, я снова чувствую прилив облегчения.

Не могу оставаться одна в такие моменты.

Мама с папой всегда поддерживают, я к этому привыкла. А тут... тут у меня пока нет настоящих друзей. Всего лишь знакомые.

Если только Тим, который, как назло, сквозь землю провалился.

– Идем, – он шумно выдыхает и выводит меня из-под лестницы.

Расправить сгорбленные плечи не выходит.

Я торопливо шагаю по ступенькам в свою комнату, несколько раз украдкой поворачиваю голову назад, чтобы убедиться, что он точно идет следом.

За руки больше не держимся. Это лишнее. Мы ведь даже не друзья.

Открываю дверь и гостеприимно пропускаю Даниса вперед. Щелкнув замком, замечаю валяющуюся на кровати ночнушку и в ужасе прячу ее под подушку.

Жутко нервничаю. Теперь идея позвать его с собой кажется дурацкой. Но там, под лестницей, я так боялась, что он уйдет. Остаться одной после его прикосновений было невыносимо. Находиться одной, когда эмоции от горя захлестывают, – выше моих сил.

– Я быстро, – забегаю в ванную, чтобы умыться, а когда вижу себя в зеркало, ахаю.

Тушь растеклась, нос красный, глаза тоже. Я выгляжу просто ужасно.

Умываюсь, тщательно отмывая потекшую косметику, и вытираю лицо мягким белым полотенцем.

Данис все еще в моей комнате, вот за этой самой дверью. Прикасаюсь к деревянной поверхности ладонью и на вдохе отодвигаю ее в сторону.

Кайсаров стоит, подперев стену плечом. Он не продвинулся вглубь спальни ни на шаг. Даже не разулся. Я, кстати, тоже в уличных туфлях.

Вытаскиваю из шкафа куртку и, застегнув молнию до подбородка, поворачиваюсь к Данису.

– Я готова.

– Водитель нас уже ждет.

Немного растерянно оглядываюсь, будто что-то забыла, но, так и не вспомнив что, иду на выход.

– Ты одна живешь?

Его вопрос летит мне в спину. Даже замираю. Меня действительно поселили одну. Все живут по парам. Мне пары не хватило, к счастью на самом деле.

– Да. Все девчонки уже растасованы.

– Я тоже, – на его губах появляется едва заметная улыбка. – Один.

– Совпадение, – облизываю нижнюю губу и закрываю дверь на ключ.

До машины мы идем молча. Каждый в своих мыслях. Я стараюсь не думать про Перси и сосредоточиться на том, куда Данис хочет меня отвезти. Кайсаров же... К нему в голову я залезть не могу, поэтому то, о чем думает он, загадка.

Водитель выходит из машины, как только нам до нее остается несколько метров. Сначала открывает дверь для меня, потом для Даниса.

– Никогда не каталась на роллс-ройсах, – зачем-то уточняю.

Дан мои слова игнорирует. Нажимает на кнопку связи с водителем и называет адрес, куда мы поедем. Перегородку при этом не опускает.

– Так ты расскажешь, куда мы едем?

– Увидишь, Катя.

Данис опускает взгляд на мои губы. Я четко вижу, что он именно на них смотрит, и даже теряюсь. Слишком волнительно. Мы вдвоем, в замкнутом пространстве. Я добровольно села в его машину, понятия не имея, кто он вообще. Просто мальчик, который мне приглянулся и показался хорошим, несмотря на все свои колючки.

Судя по его улыбке, он думает о том же самом. О том, насколько я доверчивая и безалаберная. Хотя это скорее отпечаток работы моего папы. Я всегда чувствовала и чувствую себя в безопасности.

– Даже не намекнешь? – усаживаюсь боком, так, чтобы было проще рассматривать Дана.

Он отрицательно качает головой.

– Ты же не маньяк? – перехожу на шепот.

– Ты слишком поздно задаешься такими вопросами, – он мягко смеется, а потом добавляет: – Нет, не маньяк.

– Это прекрасно, – усмехаюсь и тут же краснею, потому что кладу свою руку поверх его ладони, покоящейся на подлокотнике.

Выходит это случайно, но вздрагиваем мы синхронно. Снова ловим взглядом друг друга.

Данис сглатывает и, спешно вытянув руку из-под моей ладони, отворачивается. Я, в принципе, то же самое делаю. Обнимаю свои плечи и пялюсь в окно ровно до момента, пока машина не притормаживает у невысокого здания.

– Приехали.

Дан выходит из машины в эту же секунду.

Оказавшись на улице, осматриваюсь. Здесь нет никаких развлекательных заведений, да и вообще райончик оставляет желать лучшего.

– Готова?

Оборачиваюсь на его низкий голос и киваю. Растерянно взмахиваю рукой, мол, что это? Где мы?

– Тогда идем.

Данис идет вперед. Я семеню следом. Мы заходим в здание какого-то бизнес-центра. Хотя до этой формулировки то, что я перед собой вижу, не дотягивает.

– Где мы?

– Это приют для животных.

– Приют? – вжикаю молнией на куртке, потому что здесь душно.

– Да. Ты можешь сделать доброе дело. Помочь им деньгами, кормом, передержкой или взять кого-то себе.

– Кого? – как дурочка на него смотрю.

– Кошку, собаку...

Он говорит негромко. А потом, потом вообще берет меня за руку. У лестницы. По ней мы спускаемся в подвальные помещения.

В нос ударяет запах присутствия животных. Кошачьим туалетом тут не пахнет, видимо, хорошие вытяжки. Но я все равно чувствую запах того, что здесь живут животные. Немало животных.

– Данис, – улыбка блондинка идет нам навстречу, – хорошо, что заехал.

Судя по всему, он тут не первый раз и эти двое неплохо друг друга знают. Эта мысль не особо мне нравится, и я на автомате вцепляюсь в руку Кайсарова крепче, чтобы не смог разорвать наш контакт. А потом, потом вообще делаю шаг вперед.

Блондинка с улыбкой смотрит и на меня.

– Ты сегодня с девушкой? Класс. Ребята, нам как раз нужна ваша помощь.

– Это Катя, – Данис представляет меня блондинке. – А это Света.

– Очень приятно, – Света снова улыбается. – Я сейчас все тебе тут покажу. Здорово, что приехали. Наши хвостики будут рады.

Мы сворачиваем влево. Света отпирает дверь и поясняет, что здесь находятся коты на передержке. Их вот-вот должны будут забрать.

Чуть дальше комната с такими же хвостатыми, которые ищут дом.

Мне в глаза сразу бросается рыжий котенок, напоминающий нашего Перси. Только у этого хвост белый. Сам рыжий, а хвост белый.

Даже замираю ненадолго. Рассматриваю пушистика. Всхлипываю.

Дан обсуждает со Светой какие-то денежные вопросы, а я беру кота на руки. Правда, чуть позже оказывается, что это девочка.

Полчаса спустя мы шагаем к роллс-ройсу. Я, Данис и Вишня. Такое имя ей дали девочки в приюте. Она самая обычная кошечка. Не породистая. Без родословной, но, когда я ее увидела, поняла, что могу ей помочь обрести семью. Перси уже не вернешь, а я... я ведь и правда могу сделать доброе дело.

Уже у машины Данис сам открывает мне дверь.

Мы стоим очень близко. Если я привстану на носочки, то, наверное, смогу коснуться губами его щеки. Эта мысль не дает мне покоя. Поэтому я так и делаю.

Целую его в щеку.

Кайсаров каменеет тут же. Это так смешно. В другой ситуации я бы, возможно, посмеялась, в любой другой день, но не сегодня.

– Спасибо тебе, – перехожу на шепот.

Данис кивает и немного резковато отходит в сторону.

В школу мы не возвращаемся. Едем сразу ко мне домой.

Как только ворота расползаются, замечаю маму. Она тоже только приехала, из машины толком не вышла. Пакеты какие-то вытаскивает.

Прижимаю кошечку крепче к груди и невольно смотрю на Дана. Он больше не поворачивается и вообще делает вид, будто меня тут нет.

Шумно вздыхаю в попытке хоть как-то привлечь к себе внимание. Тщетно.

Мама с интересом смотрит на машину, из которой я выхожу. Кайсаров, кстати, тоже следом выходит.

– Катя?

– Мам, мы тут... в общем, – показываю ей котенка. – Это Вишня.

– Вишня? – мамины губы трогает улыбка.

– Да. Она из приюта, мы с Данисом... – замолкаю, и мой взгляд прилипает к Кайсарову. –
Познакомься, это мой одноклассник.

Мама улыбается еще шире.

Дан здоровается, продолжая стоять у машины, которая нас сейчас разделяет.

– Вы голодные? Лидочка сейчас накроет. Данис, ты же не спешишь?

Мама касается моей головы и немного взъерошивает волосы.

– Я, – Кайсаров будто растерянно подает голос, но мою маму уже не остановить.

– Отказы не принимаются, – заявляет все с той же улыбкой.

Глава 9

– Наталья Алексеевна, – представляется мама.

Дан кивает, приткно убирая руки в карманы форменных школьных брюк. Он уже обогнул свою машину и теперь стоит рядом с нами.

– Данис, – произносит приглушенно.

– Красивое имя, – не скупится на комплименты мама. – Идемте!

«Прости», – выдаю одними губами, заглядывая Данису в глаза. Виновато пожимаю плечами. Не думаю, что он планировал задерживаться в нашем доме. Только вот назад дороги нет и отказы действительно не принимаются. Мама уже распахнула перед нами двери и даже успела проявить наглость, сгрузив все свои пакеты в руки водителя Даниса. Он заносит их в дом и возвращается в машину.

Притихшая Вишня по-прежнему сидит у меня на руках, не издавая звуков, только любопытно водит маленьким розовым носиком.

Взбегаю по ступенькам, крепче прижимая к себе кошечку. Данис идет рядом. Смотрит прямо перед собой. Он ничего не рассматривает, ни один предмет интерьера в нашем доме не вызывает у него интереса. Все его движения словно отрепетированы. Плавные, но при этом какие-то механические.

Пытаюсь поймать его взгляд, но тщетно. Вздрагиваю.

– Катюш, – мамина ладонь ложится мне на спину, между лопаток, – вы пока в столовую проходите, я сейчас быстро Лиду нашу озадачу, чтобы накрывала.

– Хорошо. Мам, а Перси...

Обрываю себя на полуслове. Шумно выдыхаю. В глазах тут же собирается влага. Опускаю взгляд на Вишню и чувствую горький укол совести.

Наверное, это бесчеловечно – принести в дом новую кошку в тот же день, когда узнала о смерти Перси.

– Папа приедет, и мы его похороним, Катюш.

Киваю. Мама гладит меня по голове, а потом обнимает. Вдыхаю запах уже привычных сладких духов и прикрываю глаза. Становится немного легче.

Вишня в этот момент издает короткий писк. Касаюсь кончиками пальцев пушистой грудки, практически сразу ощущая вибрацию.

– Она мурлыкает, – улыбаюсь, – слышите?

– Какая разговорчивая девочка. А мягонькая, м-м-м...

Мама чешет Вишенке грудку, а я перевожу взгляд на Даниса. Он к нам и на шаг не приблизился. Стоит немного в стороне, будто предпочитает наблюдать издалека. Вообще, он ведет себя странно. Хотя, возможно, я сравниваю его с двоюродным братом, которого не заткнешь, и он в любом обществе – свой в доску. Тим бы уже здесь всех заговорил.

Данис же держится особняком и выглядит на фоне брата буквой. Он даже в школе особо ни с кем не контактирует. Тогда с чего я решила, что у меня дома будет иначе?

Кусаю нижнюю губу, продолжая наблюдать за Даном под мамины сюсюканья с Вишней. Уже который раз с момента нашего с ним знакомства отмечаю его потерянный взгляд. Будто он мысленно сейчас вообще не здесь.

Мы так неожиданно сталкиваемся глазами, что я на секунду теряюсь. Чувствую, как мои губы разомкнулись буквой «О». Он же поймал меня за подглядыванием, можно сказать. Я так жадно его рассматривала, пялилась практически. Щеки розовеют.

В этом вся суть человека – обращать внимание на тех, кто это самое внимание терпеть не может. Нас от природы тянет к чему-то загадочному и таинственному.

Кайсаров сглатывает, вижу, как дергается его кадык. А потом он прищуривается, чуть запрокинув подбородок. Будто с вызовом.

Тушуюсь и покрываюсь мурашками.

Снова смотрю на Вишню, абсолютно потерявшись в происходящем. Холодок по коже от того, как Данис на меня посмотрел. Озлобленно, будто я совершила на его глазах преступление.

– Мам, иди, – напоминаю родительнице, что она хотела поторопить Лиду, нашу домработницу.

– Точно, – спохватывается та и наконец оставляет нас с Кайсаровым вдвоем.

Ставлю кошку на пол, наблюдая, как она начинает обнюхивать мебель.

– Если хочешь, – прячу руки за спину, обращаясь к Дану, – можешь уйти. Я скажу маме, что тебе позвонили родители и нужно было срочно уехать, – предлагаю одну из самых простых версий.

Данис отрывает взгляд от кошки, за которой тоже наблюдал. Теперь смотрит на меня. На его губах намечается ухмылка. Не явная, но заметить можно.

– Не думаю, что он бы стал звонить, – проговаривает почти себе под нос.

Я слышу, но не уверена, что верно. Поэтому и переспрашиваю:

– Что?

– Не нужно врать. Красивый дом, – все же дает оценку нашей гостиной.

– Спасибо. Вот тот плед мы с мамой сами вязали. Почти год, – посмеиваюсь, глядя в сторону дивана, на котором лежит плед цвета какао. – Рукодельницы из нас так себе, – морщусь, выхватывая глазами Вишню. Она уже забралась на кресло. – Спасибо тебе, что отвлек.

Кайсаров молчит. Как истукан стоит, и, честно говоря, это начинает раздражать. Почему нельзя улыбнуться или хотя бы «пожалуйста» сказать?

Он со мной будто через силу общается! Тогда зачем помогал? Мог бы мимо пройти. От негодования на лбу появляется складочка, потому что я его морщу. Разгневанная от безразличия Даниса, делаю к нему шаг. Он стоит неподвижно, но мне кажется, будто становится выше. Вытягивается и плечи расправляет. Словно хочет дать отпор.

Ну и пусть. Широко улыбаюсь и, преодолев расстояние, что нас разделяет, касаюсь губами его щеки. Как только это происходит, ладошки увлажняются, а сердце... Мамочки, оно как ненормальное скачет.

В доме прекрасная система вентиляции, но мне вдруг так душно становится, невыносимо. Хочется расстегнуть рубашку. Что я и делаю. Вынимаю первые пару пуговиц из петелек. Но даже это не помогает, чтобы вдохнуть полной грудью. Меня словно придавило бетонной плитой.

Я беспомощно лежу под ней и просто жду своей кончины. Вот такие у меня сейчас эмоции. Тотальная безнадега. Потому что Дан снова не реагирует. Стоит и смотрит на меня как на зверушку. Нет, как на экспонат из цирка уродов.

– Если тебе неприятно, всегда можно озвучить, – фыркаю и спешно отхожу от него подальше. Подхватываю Вишню и крепко прижимаю к груди. Как только она оказывается на моих руках, снова начинает мурчать.

– Это просто лишнее, – выдает ровно. В голосе даже намек на извинения нет.

– Буду знать, – отворачиваюсь.

Показательно закатываю глаза перед этим. Будто меня все это только смешит. На самом же деле прячу от него лицо, на котором отражается все мое разочарование.

– Столовая там, – сглатываю и указываю рукой в сторону прохода. – Идем. Только нужно разуться.

Скидываю обувь и, ускорив шаг, топаю к маме, которая уже там.

Шаг не замедляю. Данис идет за мной. Не отстает. Поэтому нормально, и плевать, что он подумает по поводу моего полубега.

Мы едим под мамину болтовню. Она спрашивает Даниса про учебу, приют для животных, которому, как оказалось, он помогает на постоянной основе. И не одному. Интересуется, как мы познакомились, тут уже я вставляю пару слов. Потому что Кайсаров, дурень, отделяется одним словом – оригинально.

Оригинально, блин!

На ходу меняю историю о том, как ввалилась в мужскую раздевалку. Оставляю только то, как Данис мне помог с одеждой.

– Пока, – взмахиваю рукой.

Дан кивает. Мы оба замерли у двери. Совсем рядом друг к дружке. На удивление, сейчас он от меня не шугается и враждебности я в его позе не чувствую.

– Извини меня, Катя, – проговаривает полупшепотом. Так мягко, что у меня пальчики на ногах поджимаются. – У меня сегодня не очень хорошее настроение.

Дело явно не в настроении. Но я всем видом, конечно, показываю, что извинения приняты и я ему верю.

– Бывает, – добродушно пожимаю плечами и протягиваю мизинчик. – Мир?

Кайсаров ухмыляется. Мне кажется, я даже слышу, как с его губ смешок срывается.

– Мир.

Мы сцепляемся мизинцами буквально на несколько секунд, но этого короткого прикосновения хватает, чтобы снова почувствовать, как внутри все переворачивается. То, что так на меня действует именно Данис, я уже поняла. Теперь осталось выяснить почему.

Он уходит молча. Я еще какое-то время наблюдаю из окна, как его машина разворачивается и скрывается за нашими воротами.

Вечером, как только приезжает папа, мы идем хоронить Перси. В комнату я возвращаюсь зареванной. Хотя мама и успокаивала до этого больше часа. Только вот, как остаюсь одна, снова рыдаю. Вишня сопит рядом, а у меня сердце разрывается.

Обнимаю ее крепко-крепко и шмыгаю носом.

Мы обе лежим на кровати клубочком. Когда на телефон падает сообщение, я даже не сразу нахожу в себе сил, чтобы прочесть. Может быть, минут двадцать проходит, прежде чем беру телефон в руки.

Номер незнакомый. Возможно, реклама какая-то. Открываю мессенджер и застываю.

«Ты завтра занята? Это Данис».

Он сам мне написал. Говорил, что нам не нужно дружить, а теперь...

Немного подрагивающими от волнения пальцами печатаю:

«Пока планов нет. Есть предложения?»

«Я завтра поеду покупать корм в передержку для собак. Если хочешь, можем вместе...»

В носу покалывает. Всклипываю и уверенно отвечаю:

«Конечно. Во сколько?»

«Часов в одиннадцать»

«Хорошо. Где встретимся?»

Дан пишет адрес, и я тут же делаю скрин. Мы завтра снова увидимся. Один на один.

Мамочки...

Глава 10

Мама отвозит меня по адресу, который скинул Дан. Ровно в одиннадцать двадцать мы припарковываемся у зоомагазина. Огромного зоомагазина. Мне кажется, я в такие даже не заходила никогда. Особо нужды не было. В основном такие покупки можно онлайн сделать. Но Кайсаров почему-то решил проснуться в выходной пораньше и купить все лично...

– У вас свидание?

Хмурюсь и смотрю на мамулю. Она то же самое делает. Разглядывает меня. На лице улыбка и неподдельное любопытство.

– Что? – наконец-то соображаю, о чем она, и чуть ли на сиденье не подскакиваю. – Нет. Мама! – закатываю глаза. – Мы просто хотим купить собачий корм в приют.

– А потом можно сходить попить кофе, и получится самое настоящее свидание, – гнет свою линию.

– И много вы с папой кофе на свиданиях выпили? – решаю сменить направление ее мыслей. Обсуждать *нас* с Данисом я не хочу. Тем более нет никаких *нас*.

– За всю жизнь просто не сосчитать.

– Это не свидание, – бурчу себе под нос.

Мама смеется и целует меня в щеку. Заботливо поправляет мою укладку, а потом, как в детстве, щелкает по носу. Легонечко.

– Ладно, убедила. Тебя забрать потом?

– Я на такси доеду.

– Или кавалер подвезет, – мама подмигивает, а я отчего-то густо краснею.

Мысль о том, что это и правда может быть свидание, немного пугает. Нет, я бы была не против, позови меня Кайсаров на свидание. Но обнадеживать саму себя и радоваться раньше времени глупо. Да и к тому же, зная, какой Данис, наша встреча сугубо деловая и основана на почве помощи животным. Не думаю, что он испытывает ко мне хоть какие-то чувства. Я явно ему не нравлюсь.

– Перестань, – взвизгиваю и выскакиваю из машины. На улице дождь стеной. Холодные капли тут же попадают за шиворот куртки, и я ежусь.

– Зонт, Катя! – кричит вслед мама.

Отмахиваюсь и, прикрыв голову ладонью, бегу под крышу зоомагазина. Вытаскиваю из сумки телефон и набираю Даниса, при этом наблюдаю за тем, как мамина машина выезжает с парковки.

Кайсаров выходит за мной практически сразу, будто все это время был неподалеку. Я едва успеваю зайти внутрь и осмотреться.

– Привет, – здороваюсь взволнованно, крепче стискивая в руках кросс-боди. – Я немного опоздала, мы с мамой в пробку попали. Погода жесть. Прости, – выдаю приглушенно. Сердце снова шалит. Бах-бах. Ужас какой-то.

Пульс под двести. Оттого, что бежала, наверное.

– Привет. Все нормально. Я уже все здесь собрал. Осталось расплатиться, – кивает в сторону кассы, едва задевая меня глазами.

Мы стоим рядом уже несколько минут, а он ни разу не посмотрел на меня нормально. Только вскользь. Зачем тогда вообще позвал? Это какая-то игра под названием «Выкажи все безразличие по максимуму»?

– Давай пополам? – предлагаю совсем вяло. Мой боевой настрой расщепляется на глазах.

Данис прищуривается и вот теперь ловит мой взгляд. Глаза в глаза. Пропускаю вдох и обмираю. У него такие ресницы длинные...

– Я тоже хочу внести свой вклад, – звучу почти обиженно и очень тихо. Дыхалки не хватает, а в легких пусто. Я так и не вдохнула же.

Тянусь в сумку за картой, но Дан душил мой порыв на корню.

– Я сам заплачу. Но могу скинуть реквизиты приюта, – тут же смягчается и пропускает меня вперед.

– Конечно.

Мы идем между стеллажей прямо к кассе, возле которой стоит его водитель в окружении трех тележек с товарами.

Тут и корм, и лежанки, и даже игрушки.

– Ты давно им помогаешь? – смотрю на все это добро.

– Пару лет.

Кайсаров расплачивается и толкает телегу на выход. Водитель катит две другие.

В магазине так тепло, что, когда мы приближаемся к стеклянным дверям, выходить на улицу я не хочу. Не отогрелась, да и вообще осень терпеть не могу. Не мое это время года, вот совсем. Я люблю солнышко, летнюю жару, загар, короткие платья и босоножки. А сейчас приходится кутаться в шарф и напяливать куртку, в которой больше на пингвина смахиваешь, чем на сексуальную девушку.

– Пстой тут, – просит Данис, – я сейчас принесу зонт.

Перекаत्याюсь с пяток на мыски и послушно киваю.

Наблюдаю, как он вместе с водителем засовывает все купленное в багажник под проливным дождем, обхватив при этом плечи ладонями.

Ко мне Кайсаров возвращается мокрый до нитки. Зонт, который он для меня несет, почему-то в самый последний момент открывает.

– Идем, – зовет на выдохе, поэтому получается немного сипло.

Забегаю под зонтик и охаю, про себя конечно, от близости. В нос ударяет запах его парфюма, смешанный с дождем. Дышать сразу труднее становится, и не потому, что духи неприятные, наоборот, они заполняют легкие, и кажется, этот запах меня весь день теперь преследовать будет. Стоит только глаза закрыть...

– Спасибо, – улыбаюсь и тянусь к ручке зонта. Касаюсь мужских пальцев и замираю.

Данис резко поворачивается. Задерживаю взгляд на капле дождя, падающей с его разлохмаченной челки, пока он впивается в меня глазами, словно я преступление совершила.

Руку, к счастью, не отдергивает, правда, смотрит так, будто в самую душу. Я даже жалею о своем опрометчивом поступке, но сдавать назад не в моем характере. Поэтому, шире улыбнувшись, киваю на машину.

– Пошли.

Кайсаров заторможенно кивает и делает шаг. Мы идем небыстро.

Он галантно открывает для меня дверь и только потом, обогнув автомобиль сзади, садится в него сам.

Устраиваюсь поудобнее. Расстегиваю куртку, а потом и вовсе ее снимаю. Влажность на максимум сегодня, и не только на улице, в мыслях – тоже.

– Куда мы теперь едем?

– Нужно забрать пса из ветеринарки и отвезти в приют, – поясняет, когда машина плавно трогается.

– Хорошо. Ты обещал реквизиты для перевода.

– Точно.

Пока он роется в телефоне, я украдкой за ним наблюдаю. Такой весь серьезный и сосредоточенный...

Губы поджал, а они у него красивые, с ярко очерченной верхней линией.

– Скинул.

Данис так резко ко мне поворачивается, что я вздрагиваю. Он опять ловит меня за подглядыванием. Мы снова друг на друга пялимся. Во все глаза смотрим и молчим.

Мои губы предательски подрагивают, и он, наверное, это замечает. В ушах какой-то непонятный шум из ударов собственного сердца и писка.

– Спасибо, – шепчу.

– Тебе спасибо, – практически копирует мою интонацию.

Волнение становится осязаемым. Я так нервничаю, что роняю куртку, которую уложила на колени. Мы синхронно тянемся вниз, чтобы ее поднять, и стукаемся лбами.

– Ауч, – растираю место удара, заикливаясь на губах. Его губах, которые сейчас в паре миллиметров от моих.

Не шевелимся. Кажется, даже время замирает.

Данис поднимает мою куртку. Выпрямляется чуть резковато, я даже не сразу соображаю, как это происходит. Лишь когда мой затылок соприкасается с подголовником, отдаю себя отчет в том, что произошло.

Я так на него пялилась, он, наверное, все понял. Ужас какой. Выглядела идиоткой.

– Держи, – Дан протягивает мне куртку.

Я снова укладываю ее на колени и быстро отвожу взгляд. Уши начинают гореть.

Часом позже мы отвозим милого пуделя из ветеринарной клиники в приют. Данис ведет себя сдержанно, можно сказать, безэмоционально, из меня же эти самые эмоции так и прут. Произошедшее в машине стирается. Неловкости я больше не чувствую, только разрывающую сердце боль. Смотрю на собак и чуть не плачу. Все они лишены дома, а некоторые еще и с увечьями. У очень позитивной дворняжки, чем-то смахивающей на овчарку, нет глаза, а ласковая такса лишена половины правого уха.

К горлу подкатывает ком из слез. Я вот-вот разрыдаюсь. Внутри все стягивает тугим узлом. Всхлипываю и чувствую, как материализовавшийся рядом Данис сжимает мою ладонь.

Смотрю на наши руки замутненным взглядом.

– Если бы у меня была возможность, я бы забрала всех. Помогла бы.

– Ты уже помогаешь, Катя.

– Но этого слишком мало.

– Пошли.

Он тянет меня за руку, и мы оказываемся на улице. Дождь уже закончился. К счастью.

– Я подумала, что могу разместить посты в своих соцсетях. У меня прилично подписчиков, вдруг это поможет?!

– Хорошая идея.

Скольжу глазами по его лицу, наталкиваясь на улыбку. Едва уловимую, но искреннюю. Наверное, со стороны я выгляжу размазней-истеричкой. Но кто виноват в том, что у меня сильно развитая эмпатия?

– Главное – не плачь.

Данис говорит совсем тихо и смотрит мне в глаза. Они у него невероятные. Мне казалось, что карие, но при дневном освещении отдают зеленым. Он точно колдун...

– Может быть, зайдём в кофейню? – кивает на вывеску неподалеку.

Мы пойдем пить кофе? Как на свидании? Внутри все огнем гореть начинает. Щеки тут же краснеют. Я часто киваю и вытираю слезы, которые все-таки успели прокатиться по щекам.

Он до сих пор не отпустил мою руку, поэтому в кафе мы заходим как самая настоящая парочка и размыкаем ладони лишь у столика. Данис галантно отодвигает для меня стул, и я внутренне улыбаюсь его манерам.

– Спасибо, – хватаюсь за меню, как за спасательный круг.

Выбираю манговый чизкейк и кокосово-карамельный раф. Дан берет двойной американо и профитроли.

– У тебя классная мама, – вдруг выдает Кайсаров.

Я улыбаюсь. Да, мама у меня лучшая.

– Очень веселая, – добавляет с заминкой.

– Мамуля, да, – придвигаюсь ближе к столу, – крутая. Она, кстати, предсказала, что мы с тобой пойдем пить кофе сегодня, – делюсь частью информации. Про свидания решаю умолчать. – Уверяла, что это свидание. – Ну, или не умолчать...

Данис, который все это время смотрел на меня, отводит взгляд, и вот эта его реакция понятней всяких слов.

– Если что, это просто шутки, – тут же хочу оправдаться.

Нервно поправляю волосы и посмеиваюсь, чтобы это действительно выглядело шуткой. Все, что я ему сказала.

– Как тебе школа?

К счастью, он не заостряет внимание на моей промашке, а переводит тему. Выдыхаю.

– Нормально. Уже привыкла. Я вообще очень быстро вливаюсь в новый коллектив. Поэтому проблем не возникло. Плюс Тим. Азарин, – поясняю, – он мой двоюродный брат.

– Я знаю. Ты у него про меня спрашивала.

Он выносит мне приговор ровным тоном. Будто говорит о погоде.

Жадно хватаю ртом воздух и уже хочу придушить Тима.

Я и правда спрашивала про Дана. Что он за человек, есть ли девушка и еще много всякой ерунды. Неужели Тим меня выдал?!

Глава 11

Катя отводит взгляд и сминает в кулак салфетку.

– Я говорю что-то не то? – откидываюсь на спинку стула.

Судя по тому, как забежали Катины глаза, мои слова ее смутили. Ну а я просто не привык ходить кругами и подбирать аллегории, чтобы узнать ответ на интересующий меня вопрос.

Возможно, со стороны это выглядит гораздо хуже, чем в моей голове, но и не спросить я не мог. После выпада Азарина никак не получалось выкинуть из головы мысли о Кате и о том, что она про меня спрашивала.

Может быть, поделилась впечатлением, какой я мудак, или же наоборот... Хотя наоборот вряд ли.

– Нет, – Катя пытается улыбнуться, – я и правда спрашивала. Просто...

Она поджимает губы, а я заостряю внимание на ямочках, они часто проступают на ее щеках. Когда улыбается или волнуется, как сейчас. Она вообще чересчур эмоциональная, я к такому не привык. В голове даже не укладывается, как можно выдавать разом столько реакций. Смех, слезы, сожаление, любовь – все разом. Все в одном флаконе.

Ее эмоции меняются настолько часто, что я просто физически не успеваю их отслеживать. Едва приму одну, как она уже сменила ее другой. Мозг постоянно анализирует ее поведение, без передышки. Сегодняшнее утро тому явный показатель.

Я до сих пор под впечатлением от того, что произошло в машине. Пальцы покалывает от Катиных прикосновений, а нос забит запахом ее волос. Смесь из духов, фруктового шампуня и дождя. От нее всегда вкусно пахнет. К этому выводу я пришел буквально на днях, потому что осознал, что четко помню ее запах в день нашей с ней первой встречи. Так себе знакомство, но ее головокружительный запах преследует. Она пользуется буквально двумя ароматами, которые я за километр теперь учую.

– Я не преследовал желания тебя смущать, – оговариваю сразу. – Просто хотел узнать, о чем именно спрашивала.

– Так Тим тебе не рассказал? – ее глаза округляются. Она чуть расправляет плечи и подается вперед. Такого поворота, видимо, не ожидала.

Я и сам не ожидал, что вообще полезу в эту тему. Стоило промолчать.

– Скорее, я не захотел его слушать. Так о чем спрашивала? – продолжаю вопреки здравому смыслу.

Улыбка на моих губах вырисовывается непроизвольно. Да и улыбкой это можно с натяжкой назвать, конечно.

– Было интересно, что ты за человек, – Катя откладывает салфетку в сторону и смотрит мне в глаза. – Есть ли у тебя девушка? Вдруг она против наших с тобой встреч, хоть и по делу. Не хочется быть яблоком раздора, – поясняет торопливо.

– Что я за человек, думаю, со временем ты сама выводы сделаешь. А насчет девушки... Нет. Ее у меня нет.

– У меня тоже нет. Парня в смысле, – Катя часто моргает и качает головой, – я к тому, что никто не будет против и претензий... Ужас, – бормочет себе под нос, но я слышу. – Давай сменим тему, – предлагает, продолжая смотреть на свои руки, лежащие на столе ладонями вниз.

– Давай. Кстати, – тянусь во внутренний карман куртки, висящей на соседнем стуле. – Это тебе.

Катя с интересом смотрит на белый пакет.

– Что это? – разрывает упаковку и вытаскивает оттуда ошейник. – Красный? – улыбается, касаясь пальцами золотой подвески в виде пары ягод.

– Ну, она же Вишня, – поясняю как дурак.

Вообще, весь мой этот порыв с ошейником и встречей – дурацкий. Лишний. Никому не нужный.

Просто не смог удержаться. Катин номер я узнал в самый первый день нашего знакомства, несмотря на то, что сам же отказался обмениваться телефонами. Только вот отказать себе выяснить эти проклятые цифры не смог.

А вчера окончательно коротнуло. Она была расстроенная, плакала. В приюте этом тоже плакала...

– Спасибо. Тут тоже вишенки.

Киваю.

Катя достает телефон и делает фотку. После немного тушуетсЯ под моим взглядом.

– Я маме отправлю. Мы утром как раз говорили о том, что нужно купить ошейник и отвезти Вишню к грумеру. Помыть, коготки подстричь...

Она снова улыбается. Фотографирует.

А я до сих пор подвис на обыденном для большинства и очень простом слове «мама». Побывать в доме Токман – как пройти по горячим углям для моей психики. Меня тошнит от семейной идиллии. Она чужеродная. Я ее не воспринимаю, где-то даже презираю. Но в глубине души, конечно, завидую. Слишком сильно, слишком извращенно.

Мой отец самый настоящий преступник. Находится в розыске в нескольких странах мира. В Москве бывает пару раз в год. Иногда я толком не могу вспомнить, как он выглядит, если не посмотрю на фотку.

У нас никогда не было отношений отец-сын. Никаких в принципе не было. Все, с чем у меня ассоциируется собственный папа, – боль.

Мне было восемь, когда он первый раз меня ударил. Пьяный, прямо в годовщину маминей смерти. Обвинил, что это я виновен в том, что ее больше нет. И он прав. Она защищала меня. Собственным телом.

Та пуля предназначалась мне.

Когда на дом было совершено нападение, я так испугался... Выбежал из нашего с ней укрытия. Она, конечно же, за мной следом. Пуля задела сердце. Мамы не стало в одно мгновение.

Мне часто снится ее голос. Она просит тех людей не трогать меня...

Иногда мне хочется оказаться на ее месте. Тогда все было бы проще. Умри я.

– Все нормально?

Катин голос доносится сквозь пучину вязких мыслей. Они вынуждают сердце биться чаще. В глазах темнеет.

Смаргиваю.

– Да, задумался, – смотрю на Катю. У нее перепуганное лицо, будто она за меня волнуется. Чушь, конечно. Мне просто хочется так думать.

– У тебя кровь, – она сглатывает и смотрит на мою руку, в которой я сжимал стакан с водой.

Осколки разбросаны по столу. Вода смешалась с кровью. Теплая густая жидкость стекает по моей руке. Капли падают на поверхность стола.

– Извини. Я сейчас.

Поднимаюсь. Катя вскакивает следом.

Хочется осадить ее взглядом, но меня настолько размазывает от происходящего, что я, не глядя на нее, иду в туалет и засовываю руку под кран с ледяной водой.

– Я принесла полотенце и перекинь, – слышу за своей спиной пару минут спустя. – Попросила у официанта, – поясняет и подходит ближе.

Она стоит позади. Сглатываю. Через зеркало ее вижу. Кажется, я ее напугал.

– Данис, – выпаливает приглушенно, – давай я помогу.

Катя аккуратно обматывает мою порезанную ладонь полотенцем. Каждое ее прикосновение – иглами под кожу.

Я не могу реагировать на них бесстрастно. Подбрасывает. В горле пересыхает, и это никак не связано с чертовым порезом. Это из-за нее. Она причина всех изменений, что во мне происходят.

Импульс, прокладывающий новые нейронные пути и перестраивающий уже существующие.

Наблюдаю за ее взволнованными движениями, чувствуя, как в груди растекается тепло. Но по факту это просто яркий всплеск дофамина.

Катя – настоящее Солнце. Она излучает свет. Согревает. Люди вращаются вокруг нее, как планеты. Главное – не слететь с орбиты, но я уже на краю. Тьма близко.

– Спасибо, – сам не узнаю свой голос. Звучу тихо и настороженно, чтобы не спугнуть.

Судя по всему, впечатлений для Кати этим утром достаточно. Мой порыв ее увидеть оказался губительным, чему я, собственно, не удивлен.

– Не за что. Лучше, конечно, к врачу обратиться, вдруг осколки попали в рану.

Катя шумно выдыхает. Ее пальцы все еще лежат на моем запястье. Кожу в этом месте до костей прожигает, будто серной кислоты плеснули.

Наши взгляды встречаются. Теперь не в зеркальном отражении. Смотрим глаза в глаза. Земля замедляет ход.

– Я отвезу тебя домой, – резче, чем мне того бы хотелось, убираю руку.

Сам рву наш установившийся контакт. Делаю шаг и замираю. Обогнув Катю, без слов выхожу в зал, но, забивая на свои же установки, оборачиваюсь, чтобы удостовериться, что она идет следом.

Но она и на миллиметр не сдвинулась. Лишь атакует взглядами-молниями.

– Не надо, – вибрирующий голос врывается в мое сознание ураганом.

Отказ. Ее отказ вполне закономерен, но отчего-то не укладывается в моей голове. Так быть не должно. Я так не хочу. Мне так не нравится.

– Я уже вызвала такси, – уголки ее губ заостряются, – так что обойдусь, – добивает. Смотрит мне в глаза. Прищуривается, а потом откидывает волосы за спину.

Движение провокационное. Уверенное. Она больше не выглядит потеряшкой.

– И вообще, думаю, ты прав. Дружить с тобой мне не хочется. Честно говоря, даже общаться желания нет. Нам и правда стоит держаться друг от друга подальше.

Как debil замираю посреди зала. Наблюдаю за тем, как Катя берет свою куртку и, накинув ее на свои плечи, покидает кафе.

Сглатываю. Расплачиваюсь. Все на автомате. Через окно вижу, что она все еще у входа. Стоит смотрит в телефон. Такси опаздывает. В городе пробки.

Выхожу следом. Стопорюсь за ее спиной. В мыслях навязчивое желание до нее дотронуться.

Вдох-выдох. Рука застывает в воздухе. До Кати я не дотягиваюсь, на корню свое действие рублю.

– Я не хотел тебя обидеть, – глотаю собственные противоречия.

Катя резко поворачивается. Жалит взглядом, упирая руку в бок.

– Но обидел, – закатывает глаза. – Причем, кажется, намеренно. Так что иди в задницу, Кайсаров. С такими мудаками мне точно не по пути, – последнее тянет нараспев. – А за кофе деньги скину. Чао!

Сжимаю руки в кулаки, чувствуя, как из пореза снова выступает кровь, и покорно наблюдаю за тем, как Катя садится в подъехавшее такси. Она от меня сбегает, иначе как еще объяснить ее быстрые шаги?

Все происходит ровно так, как я и хотел, только почему-то это не радует. Скорее наоборот...

Несколько минут растерянно смотрю вслед мерсу и чувствую, как кровь стекает по пальцам, ударяясь об уличную плитку.

Так, наверное, действительно будет лучше.

Срастаюсь с этой мыслью и сажусь в свою тачку. Дома, уже ближе к вечеру, окончательно убеждаюсь в том, что все идет так, как нужно. Правильно. Но это до момента, пока в общем чате не мелькают фотки с вечеринки в доме Курьянова. Я тусовки посещаю редко, но, так как из «своего круга», во все подобные чаты меня добавляют, конечно.

Пролистываю сообщения без интереса. По привычке. А потом напарываюсь на видео Кати, она улыбается на камеру в толпе наших лицейских уродов. Сам Курьянов ее и снимает. Ржет за кадром.

Блокирую мобильник и бросаю его на кровать. Несколько минут сижу неподвижно, а потом срываюсь на эту, мать вашу, вечеринку. Внутри обдаёт холодом. Предчувствие чего-то неминуемого долбит. Ко мне будто подключили ток, то и дело давая разряд по вискам.

Вечеринка в самом разгаре. Все пропитано сексом, травой и алкоголем.

Кати в доме нет. На первом этаже точно. Я обошел здесь все два раза.

Взбегаю по лестнице на второй, начинаю поочередно распахивать двери в комнаты. Нарываюсь на трахающиеся парочки и тройнички.

Токман все еще не в моем поле зрения. Толкаю последнюю на этаже дверь – закрыта. Как вариант это может быть отцовский кабинет Курьянова, но интуиция орет о другом.

На принятие решения требуется всего несколько секунд. Вытаскиваю карту и просовываю ее между замком и дверью, надавливая на язычок замочного механизма, подтягивая дверную ручку на себя.

Дверь поддается.

Курьянов висит над Катей со спущенными штанами. Она упирается ладонями в его грудь.

– Не надо. Я не хочу. Отвали от меня! Ты слышишь? Не смешно!

«Поверь, он тебя не слышит! – вопит мой гадкий внутренний голос. – И уж точно не прикалывается».

– Тебе понравится, котенок, – уверяет будущий труп Курьянов.

Как только вижу перепуганную Катю, забрало падает. Перед глазами раскадровка кровавого месива. Скидываю с нее эту тварь. На тренировках по любой борьбе с тебя практически берут слово не применять навыки в обычной жизни, особенно с теми, кто неподготовлен. Сегодня мое слово теряет свою силу.

Отшвыриваю это животное в сторону. Я знаю, куда бить. Так, чтобы прочувствовал, но следов почти не осталось. Только сейчас опытом последних знаний не пользуюсь. Он сам и все его окружение еще долго будут любоваться на его разукрашенную рожу.

Курьянов что-то блеет. Не слышу. В ушах шум. Свист. Сердце разрывается от громких, тяжелых ударов. Пульс зашкаливает, а я продолжаю. Наношу удар за ударом, пока сучоныш не теряет сознание.

Резко поворачиваюсь к Кате. Она напугана. Сжалась у изголовья кровати. Лямка платья спущена по плечу. Я, бля*, снова в крови по локоть. Курьянов лежит обездвиженно, не сдох и не сдохнет.

Делаю шаг. Катя обхватывает себя руками. Дрожит.

– Пошли отсюда, – протягиваю ей руку.
Она мотает головой.

Глава 12

– Что ты тут вообще забыла? – игнорирую ее испуг и делаю еще шаг. – Какого хрена, Катя?!

– Не ори, – хватается за голову. – Не кричи, – выдает чуть тише, а у самой язык заплетается. – Как ты сам тут оказался? – морщится. – Голова кружится.

– Что пила?

– Колу! – Катя огрызается, но тут же начинает смеяться.

Ее грудь вздымается, она часто дышит. Глаза бегают как заведенные. Он точно ее чем-то напоил. Радужки блестят. Она облизывает губы, смотрит на Курьянова и часто моргает. Я и сам снова на него смотрю. При одной только мысли о том, что он мог ей подмешать, хочется втащить ему по новой.

Вообще, Курьянов, а точнее его старший брат, он уже два года как учится в универе, славится такими сборищами. Куча телок, алкоголь и разношерстная запрещенка, от которой девки становятся сговорчивыми.

Слава моего отца идет впереди, поэтому меня в подобных местах считают своим, даже вон в чатик добавили.

Когда Азарин первый раз решил сюда зарулить, я его отговаривал. Он меня, конечно, не послушал. Идиот. Не удивлюсь, что Катя здесь, потому что Тим тоже где-то поблизости.

– Пошли.

Перехожу черту и хватаю ее за руку. Церемониться сейчас выдержки просто нет. Стаскиваю Катю с кровати. Токман упирается. Начинает визжать, будто ее режут. Морщусь, пытаюсь закинуть ее извивающееся тело на плечо.

– Поставь! Поставь! – орет, а потом кусает меня за шею. Смачно, уверен, будет синяк. – Отвали от меня, Кайсаров, сказала. Не трогай. Что вам всем от меня надо?!

Резко ставлю ее на ноги прямо перед собой. Катя покачивается.

– Дура! – рычу в лицо.

Она смотрит с вызовом. Воспламеняет одним взглядом и проклинает им же.

– Ты под кайфом? Что он тебе дал?

– Что? Не-е-ет, – смеется, а у самой реакция заторможенная.

– Ну да, – цежу сквозь зубы и толкаю ее в сторону ванной.

Катя делает несколько быстрых шагов. Успеваю ее поймать, прежде чем распластается на ковре. Включаю свет и закрываю дверь.

Мы в ванной один на один. У нее на губах моя кровь. На моих руках – Курьяновская. Это какой-то пи*дец.

Прижимаю большой палец к алым губам, размазывая всю эту «преlestь» по Катиному подбородку.

– Не трогай, сказала! – раздувает ноздри. – Мы договорились больше не видеться.

– Придется начать соблюдать эту договоренность с завтрашнего дня.

Прижимаю ее к стене своим телом и вытягиваю руку, чтобы включить душ.

– Что ты делаешь?

Мотаю башкой, упираясь ладонью над ее головой. На светлой плитке остаются кровавые следы.

Она заторможенно моргает и снова начинает хохотать.

– У тебя глаза такие, – широко свои распахивает, – красивые. И имя. И ты, – переходит на шепот. – Ой, – чуть оседает вниз, снова заливаясь хохотом.

Ловлю ее за талию одной рукой. Мурашки по коже от бешенства, ну и от ее слов, конечно.

Вот тебе и хорошая девочка Катя. Какого хрена сюда поперлась?! Дура безмозглая.

– Брат твой где? – сглатываю. Стараюсь звучать строго.

– Что? – не прекращает смеяться. – Кто?

Ясно. Прикрываю глаза. Вдыхаю.

Врубаю холодную воду и под Катины вопли заталкиваю ее в душевую кабинку. Сам промокаю вместе с ней. Ледяная вода затекает за шиворот, одежда тяжелеет, обтягивая тело второй кожей.

Катя отплевывается от воды. Дрожит, но сопротивляться не перестает.

– Не трогай меня! Ты просто ненормальный! – орет так, что уши закладывает. – Мне больно.

У нее зубы стучать начинают. Платье вымокло до нитки, я отчетливо вижу ее торчащие соски. Бл*дь!

– Что ты пила?

– Колу. Я же сказала, что колу! – обхватывает свои плечи руками.

Всматриваюсь в ее лицо. Зрачки расширенные. Глаза красные. Этот сучоныйш ее чем-то накачал и притащил к себе в спальню.

– Он мог тебя сегодня... – ору ей в лицо и замолкаю. Резко. Потому что она начинает плакать. Воем навзрыд.

Внутри все обмирает. Меня заклинивает. Я больше не могу вдохнуть и пошевелиться – тоже. Изнутри рвет от ее слез. Терпеть не могу слезы, триггерит. Снова оттаскивает в прошлое. Мамины слезы, кровь.

Стоп!

Вылезаю из этого тумана. Ловлю Катино лицо руками. Долго на нее смотрю.

Мы молчим. На нас льется ледяная вода, а мы молчим.

От нее веет жаром. Она теплая. Прижимаюсь к ней ближе. Между нами теперь даже воздуху протиснуться проблематично.

– Холодно, – стучит зубами и тянется ко мне.

Она под кайфом. Ее губы на моем подбородке. Так нельзя. Так неправильно.

Катя привстает на носочки, водит носом по моей щеке. Сглатываю. Чувствую ее запах, он повсюду здесь. Закрываю глаза и на секунду себя отпускаю. Буквально на секунду.

Ее руки обвивают мою шею. Она прижимается еще ближе, крепче. Только куда? Разве это вообще возможно?

– Катя...

– Замолчи. Просто заткнись, Кайсаров, – бормочет мне в губы.

– Ты...

Открываю глаза. Вижу ее. Она запрокидывает голову и точно чувствует мой стояк. Ледяная вода вообще не спасла.

Кривит губы в улыбке.

– Как все, да? – ухмыляется.

– Тебе здесь лучше не оставаться, – отворачиваюсь.

– Я не могу поехать домой, – бормочет и снова смеется. – В таком виде не могу... Папа убит.

– Сомневаюсь, – выключаю воду.

Мы продолжаем стоять в душевой кабинке. Пялимся друг на друга.

– Ты же никому не расскажешь, что тут произошло? Правда? – заглядывает мне в глаза с немой мольбой.

– Никому.

– Это будет только наша с тобой тайна. Наша и, – спотыкается о слова, —Курьянова.

– За него не беспокойся, он точно рот не откроет.

Катя кивает. Ее пальцы скользят по моим предплечьям, а потом она берет меня за руку.

– Прости, – осторожно касается своего укуса на моей шее. – Я просто испугалась, что ты тоже... как он...

– Дура, – цежу сквозь зубы и вытягиваю нас из кабинки. – Поехали ко мне.

– А твои родители?

– Их нет дома. Почти никогда. Поехали, приведешь себя в порядок.

Катя кивает. Делает смелый шаг вперед. В комнате мы проходим мимо стонущего Курьянова. Прошу Токман выйти в коридор. Она слушается. Не перечит, что радует.

Сам склоняюсь над этим уродом.

– Разговор есть.

– Какого хрена, Кайсаров?!

Курьянов подтягивается на локтях к батарее, сплевывая кровь.

– Ближе к ней больше не подходи. Иначе то, что сегодня произошло, покажется тебе невинной шалостью.

– Большой ублюдок.

– Именно, – хлопаю его ладошкой по щеке, почти заботливо. – В следующий раз я тебе ноги сломаю. Заживать будут долго. И еще, если хоть одна живая душа узнает о том, что здесь произошло, – делаю паузу, – ты же знаешь, кто мой отец, и, уверен, осведомлен о его методах от своего, так что в случае чего я тебе не завидую.

Курьянов кивает как болванчик, стиснув зубы.

– Вот и отлично. Зуб вставить не забудь, – усмехаюсь и выхожу из комнаты.

Катя прилипла к стене напротив, продолжая обнимать себя руками. Бледная как мел.

Интоксикация налицо.

– Поехали. Заскочим в одно место еще.

– Хорошо.

Она не возражает, не сопротивляется. В сложившейся ситуации это меня не удивляет. Меня вообще мало что удивляет, разве что ее скачущие со скоростью света эмоции.

Когда мы приезжаем к зданию частной клиники, Катя в ужасе смотрит в окно.

– Зачем ты сюда меня привез?

– Тебе не мешают промывание и капельница.

Глава 13

Как я могла оказаться среди ночи в частной клинике, да еще и с капельницей в руке? Если бы родители только знали...

Боже, я даже алкоголь ни разу не пробовала, а теперь валяюсь на больничной койке, чтобы вытравить из своего организма какую-то более жесткую дрянь. Глаза застилают слезы. Здесь такие яркие лампы, что они обжигают сетчатку, только усугубляя ситуацию. Прикрываю веки, но облегчение, к сожалению, не приходит.

Даниса нет. Я лежу здесь одна, медсестра только вставила катетер и упорхнула в теперь уже плотно прикрытую дверь.

Тело содрогается от спазмов. Меня тошнит. Желудок бунтует, а сознание просто в щепки. Как я могла быть такой наивной душой?

Очередной тошнотворный позыв, и голова кругом. Мне то весело, то нестерпимо грустно. Видимо, это действие того вещества, что Курьянов подмешал в мою колу. На вечеринке мне не понравилось с первых минут. Но Артур настаивал на том, чтобы остаться, говорил, что просто нужно привыкнуть, а еще постоянно упоминал, что мой брат вот-вот приедет. Тим так и не появился, а позвонить ему я не то что не додумалась, эта мысль даже не проскользнула в моем к тому времени затуманенном мозгу. Да и никого из своих одноклассников я там не заметила, были те, кто на год старше, а еще друзья брата Артура из универа.

Уже хотела уйти, когда поняла, что ноги ватные и сделать очередной шаг слишком проблематично. Картинка перед глазами в считанные секунды поплыла, я едва успела ухватиться за стол, но бокал с колой не удержала, он упал на пол. Шипучая жидкость растеклась по паркету, на который я почти сразу осела, не в силах стоять на ногах.

Мне так резко поплохело. Бросило сначала в жар, потом в холод. Артур заботливо отвел меня к себе в комнату, сказал, что могу отлежаться. Возможно, это всего-навсего нервы. Я ведь ему даже поверила. Так в тот момент была зла на Дана. На его показательное безразличие. Он меня обидел. Сильно обидел. Было неприятно осознавать, что он меня просто пожалел, еще там, в школе, под лестницей. А потом это сожаление слишком затянулось и привело нас к точке невозврата.

Кайсаров повел себя как мудака. Я ринулась к нему с помощью, а он смешал меня с дерьмом одним своим взглядом. Это добило. Зато я проснулась, наконец перестала наматывать сопли на кулак и наглядно донесла до него одно-единственное правило – со мной так нельзя!

Правда, дома, как только Артур позвал на вечеринку, я согласилась, понимая в глубине души, что мое согласие – просто бегство от реальности. Не хотелось думать про Даниса, в очередной раз разбивать нашу с ним встречу на детали и раз за разом анализировать.

Я решила пойти куда более простым путем: сменить парня, обстановку и повеселиться. Повеселилась...

Едва моя голова коснулась подушки Артура, я окончательно потеряла над собой контроль. Глаза слипались, а тело огнем горело.

Прикосновения Артура показались мне даже приятными, пока его пальцы не стали сжимать грудь, а тяжелое тело не оказалось поверх моего. Он навалился всей силой, пригвождая меня к кровати. Целовал. Своим противным, шершавым языком касался моей шеи, щек, губ. До сих пор мурашки от омерзения по коже бегут.

Руки мне заломил над головой. Шептал о том, как мне будет хорошо. О том, что понравится. Даже в бреду я понимала, о чем он. Было не смешно. Страшно. Так, что словами описать просто невозможно. Но тем не менее меня окутывало вязкими путами похоти. Казалось, что ничего ужасного не произойдет и все это лишь шутки. Розыгрыш...

Как бы не так!

Он не собирался тормозить. Он хотел меня изнасиловать. Не сопротивляющуюся, ничего не соображающую и не способную сказать нет. Точнее, все мои «нет» и просьбы остановиться он игнорировал. Лишь продолжал убеждать в том, что все хорошо будет и мне нечего бояться.

Как там появился Кайсаров, я понятия не имею. Откуда он узнал? Видел меня, потому как сам был в этом злополучном доме? Если это так, то он такой же, как Артур. Один из них. Именно эта мысль проскользнула в моей голове изначально, как только я поняла, кто вломился в комнату.

Его появление не принесло облегчения. Было все так же страшно, но в тот момент в крови подскочил адреналин. Я смогла встать на ноги. Смогла сопротивляться. Даже укусила его, за что он обозвал меня дурой. Ну или не за это...

Ничего уже не понимаю. Только до сих пор кожей его прикосновения ощущаю. Они другие. Не гадкие и противные, вовсе нет. Они приятные и будто правильные.

В голове такая каша. Я же чуть его не поцеловала! Красивым назвала, мамочки... Как все это забыть? А как сделать так, чтобы забыл он?

Это говорила не я, а то, что содержалось в моей крови на тот момент. Не я же...

Я так думать не могла и не могу. А у самой перед глазами его лицо. Злобный, но временно потерянный взгляд, когда я его обняла. Крепко, будто он единственный, кто может удержать меня на Земле.

Медсестра распахивает дверь палаты, в которой тут же становится шумно. Стук каблуков, какие-то манипуляции с капельницей. Едва разлепляю глаза, как сталкиваюсь ими с Даном. Он, оказывается, тоже зашел. Бесшумно, в отличие от медицинского работника.

Прячу взгляд. Слушаю наставление женщины в белом халате. Киваю, а сама кожей чувствую, что он на меня все это время смотрит. Молчит и прожигает своими карими глазами с вкраплениями зелени. На нем сухая одежда, на мне все то же платье. Слегка влажное уже. Даже рада, что выбрала шелк, он моментально сохнет.

С кушетки поднимаюсь с трудом. Кайсаров помогает мне. Ловит за руку, придерживает. Лишь киваю в знак благодарности и только сейчас замечаю, что время около пяти утра.

Родители думают, что я в гостях у новой школьной подружки. Если узнают правду, будет скандал. Я искренне верю, что вся эта ситуация никогда не всплывет и уйдет в могилы с нами тремя.

Переступаю порог, чувствую, как на мои плечи ложится что-то теплое. Пиджак. Данис накинул на меня свой пиджак. Точно, куртка же валяется у него в машине. Как только мы остановились у клиники, меня вырвало. Я еле успела выбежать из тачки.

– Ты пробовал наркотики?

– С чего ты взяла?

– Ты знаешь, что делать в таких вот ситуациях...

– Это элементарные вещи. Промыть желудок при любом виде отравления.

– Точно, – поджимаю губы, чувствуя себя именно такой, какой он меня обозвал. Беспросветной дурой. – Ты же правда никому не расскажешь?

– Нет.

Его голос отдает металлом. Он открывает мне дверь в машине и дожидается, пока я заберусь в салон.

Мы едем по ночной Москве в полной тишине. Музыка сейчас бы не помешала, чтоб разрядить обстановку, но Данис ее не включает, а подать голос, ох, я просто боюсь. Кажется, он очень зол.

– Ты же его не убил? – интересуюсь, стараясь посмотреть куда угодно, но только не на Кайсарова.

– Ты поздно задаешься этим вопросом. Скорую твоему ухажеру при таком раскладе стоило вызвать еще пару часов назад.

Сглатываю и стискиваю руки в кулаки. Ну что за человек, а?

– Значит, не убил, – киваю и отворачиваюсь к окну.

– Куда тебя везти?

Куда? Действительно...

Достаю телефон и звоню Тиму. Он отвечает раза с третьего, все это время Данис пристально за мной наблюдает. Убедившись, что брат в городской квартире, смело называю Кайсарову адрес. Когда родители Азарина не в городе, он частенько зависает вне дома. Сегодня, к счастью, именно такой день.

Спустя час мы стоим у квартиры Азарина. Я не успеваю дотянуться до звонка, как дверь открывается. Оказывается, Тим все это время был не один.

– Я позвоню, – подталкивает свою гостью на выход, – иди давай. А вы, – смотрит на меня и Кайсарова, – заваливайтесь, чего встали?!

Блондинка чешет к лифту, а мы с Кайсаровым оказываемся в прихожей Тимкиной квартиры.

– Вы откуда? – спрашивает, хлопнув дверью за моей спиной, брат. – Еще и вместе.

– С одной занимательной вечеринки, – мрачно поясняет Данис и проходит вглубь коридора, – кухня у тебя где?

– Прямо и налево. Че происходит? – Тим раздраженно скользит взглядом по Дану, а потом добирается и до меня.

– Все нормально, – прячу глаза и, стянув туфли, торопливо прошмыгиваю вслед за Кайсаровым.

Тим явно ошарашен нашим блистательным появлением. Я в таком виде, будто меня вынули из бочки для засолки огурцов, да еще Данис, весь такой мрачный, деловой и холодный. Лишь то, что мы заявились вместе вызывает кучу вопросов...

Нервно поправляю растрепавшиеся волосы и сажусь на кухонный стул.

– Не рассказывай ему правду, – хватаю Дана за руку, – пожалуйста. Ты обещал, что это останется между нами... никто ничего не должен узнать. Ни Тим, ни тем более мои родители. Хорошо? – с мольбой заглядываю ему в глаза.

Я не особо распространяюсь в школе, кто мой папа. Если эта история всплывет, ничем хорошим для всех нас это не обернется.

Данис ничего не отвечает, только аккуратно выдергивает руку из моих ладоней. Чувствую укол разочарования и откидываюсь на спинку стула, подтягивая колени к груди.

Сильнее закутываюсь в пиджак, а сама прислушиваюсь к шагам. Тим уже идет сюда и вот-вот устроит допрос. Поэтому, как только брат оказывается в дверном проеме, выпаливаю первое, что приходит в голову:

– Твои родители не в городе?

– Они в Японии, – отзывается с усмешкой и проходит мимо меня.

Останавливается у столешницы, на нее же и опирается. Руки складывает на груди, вопросительно приподнимая бровь, как бы без слов требуя от меня пояснений.

Поджимаю губы и зачем-то кошусь на Даниса. Может быть, он все за меня объяснит? Потому как я понятия не имею, с чего начать и как вообще выстроить этот ужасный рассказ.

Я психанула и решила поехать с едва знакомым парнем в какой-то непонятный дом, к людям, большинство из которых я первый раз в жизни видела? Звучит слишком безалаберно. Хотя на самом деле так и есть.

– У тебя все нормально? – голос брата далек от заботливого, скорее, подозрительный. – Плохо выглядишь, – оценивает не щадя.

Прячу пальцы в длинные рукава пиджака и поджимаю губы. Атмосфера на кухне удушающая. Каждый вдох дается с трудом. Они оба давят на меня без всяких слов. Одной энергетикой.

Прямо – Тим, прожигающий взглядом до костей, слева – Дан. Он вроде и не смотрит, но я кожей чувствую его раздражение. Я в западне между двух огней, причем по своей собственной воле...

– Конечно плохо, – звучит Данис с явной насмешкой. Он сидит на стуле у окна, закинув ногу на ногу, упираясь правым локтем в стол. – Ей стыдно. Ее пьяная подружка позвонила мне среди ночи и верещала, что Кате стало плохо. Пришлось ехать забирать. На месте оказалось, что это они так пошутили.

Тим сводит брови, но молчит. Верит?

Я сейчас готова молиться на Кайсарова за то, что он не рассказал Тиму правды.

Ни о том, что я была в доме Курьянова, ни и том, что Артур меня опоил и чуть не изнасиловал. Он молчит, как мы и договаривались. Это останется только между нами, до самой смерти. Наша общая тайна.

Тим резко поворачивается к Дану. Прищуривается.

– Катя не пьет, – подключает тяжелую артиллерию.

– А я разве сказал, что она пила? – Данис так же пристально смотрит на моего брата. Ни один мускул на лице не дрогнул даже. – Не делай такую рожу, – отзывается флегматично Кайсаров, складывая пальцы перед собой домиком.

– Ладно, – брат делает глубокий вдох, – вы ко мне тогда на фига приперлись?

– Ты мне ее к себе везти предлагаешь? Домой она ехать категорически отказывалась.

– Пусть ночует там, где тусовалась. У подруги.

Брат, конечно, сама доброта. Но это все пафосный налет, он частенько бросается громкими, неудобными словами, хоть на самом деле так и не думает.

– Это у вас семейное, видимо, – фыркает Дан, но смотрит при этом на меня.

Сглатываю и нервно скребу ногтями по столу. Надеюсь, что наше вранье не вскрыется никогда. Я приложу все усилия, чтобы этого не произошло, а еще сдержу свое слово и больше близко к Кайсарову не подойду, как он сам того и хотел.

– Ладно, счастливо оставаться.

Данис больше не задерживается. Поднимается со стула и идет в прихожую. Тим следом, а меня словно к стулу пригвоздили. Молча смотрю в одну точку и не шевелюсь, лишь когда входная дверь хлопает – вздрагиваю.

– И? – снова голос брата, теперь уже над самым ухом.

– Это ошибка. Мы с Лизой, – вспоминаю свою отвязную подружку, – хотели посмотреть фильм, она немного выпила, я ей рассказала про Кайсарова, ну, о том, что он весь такой невозмутимый, и она предложила его разыграть...

– Идиотки, – выносит вердикт Тимоха. – Спать иди. Завтра поговорим.

Разгневанно, но при этом молча протискиваюсь между столом и Тимом, стараясь не задеть последнего. В комнате долго плачу в подушку, а утром сваливаю из квартиры Азарина раньше, чем он просыпается.

Пока еду домой, в миллионный раз анализирую то, что произошло этой ночью, и покрываюсь липким потом. Мне даже в моменте так страшно не было, как сейчас, когда я в полной мере осознаю, какими могли быть последствия.

У дома надеваю одну из самых милых улыбок и спешу к родителям. Они как раз завтракают.

– Ты что-то рано, – мама целует в щеку и просит Лидочку принести оладушки для меня.

– Спать в десять завалились, представляешь? Включили новый сериал, и он был настолько «интересным», – показываю в воздухе кавычки, – что вырубил нас на второй серии.

Замечаю папину улыбку и выдыхаю. Я не подорвала доверие, родители даже не усомнились в моих словах. Это хорошо.

– Папуль, может, вечером на корд ходим? Все вместе? Растрясемся?

– Сходим, – папа кивает и откладывает в сторону планшет, принимаясь за оладьи.

Снова выдыхаю. Дома без изменений, окончательно в этом убеждаюсь на вечерней игре в теннис.

Уже на пути домой пишу Данису сообщение. Короткое «спасибо». Ответа не приходит. И к лучшему, наверное. Прячу телефон и натягиваю на лицо улыбку. Мама с папой как раз спорят по поводу зимнего отдыха.

На следующий день в школе мы с Данисом прекрасно делаем вид, что друг друга не знаем. Но я все равно сажусь с ним на физике и истории. Меня будто притягивает какая-то невидимая сила.

После уроков случайно сталкиваемся на втором этаже жилого корпуса и никак не можем разойтись. Одновременно шагаем то вправо, то влево ни в состоянии освободить друг для друга проход.

В итоге Кайсаров просто замирает. Я же, внутренне вздрагиваю и несмело поднимаю глаза. Ловлю его пристальный взгляд и даже улыбнуться пытаюсь.

– Все хорошо? Голова не болела? Не тошнило?

– Все нормально. Спасибо, что не выдал Тиму, и за Курьянова... Он правда молчит.

– И будет молчать. Не переживай.

Киваю, а Дан... Он в этот момент берет меня за руку. Вздрагиваю и смотрю ему в глаза. Что происходит?

Глава 14

Мы с девчонками стоим в столовой на выдаче. Я жду свой суп и напеваю про себя модную песню с новогодним мотивом. Все же мой любимый праздник не за горами, месяц буквально остался.

Когда чувствую взгляд, почему-то сразу понимаю, кто смотрит.

Данис.

Он сидит за столом с моим братом, Тима, как всегда, не заткнешь, они с Королевым спорят. С того дня, как Дан вытащил меня из дома Курьянова, прошло чуть больше двух недель.

Мне было стыдно смотреть ему в глаза, а он... Он переменялся. Я все чаще ловлю на себе его взгляды и понимаю, что все его предостережения были верными. С ним нельзя дружить, абсолютно. Потому что я испытываю к нему нечто иное, то, что сломает нас обоих, если произойдет.

Это не поддается никаким объяснениям и доводам разума, я просто так чувствую, вот и все. Данис – это что-то за гранью моей маленькой вселенной. Слишком сложный, слишком мой... Настолько, что лучше оставаться чужими.

Поправляю пиджак, хотя он и так идеально сидит. Выдыхаю.

Ладно, я тоже могу пялиться. Поднимаю голову и, чуть вытянув шею, смотрю Кайсарову прямо в глаза. Улыбаюсь и приветливо взмахиваю рукой. Не дождавшись от него реакции, поворачиваюсь к девчонкам и, переполненная энтузиазмом, предлагаю подсесть к мальчикам. Янка, которая сохнет по Тиму, считает эту идею просто гениальной.

Каждый шаг дается с трудом, ладошки становятся влажными, кончики пальцев... Боже, я до сих пор чувствую его прикосновения. Там, в коридоре жилого корпуса, где не было никого кроме нас и тишины. Мы тогда проторчали минут десять. Молчали. Смотрели друг на друга...

Какие же у него глаза. Я никогда ничего подобного не видела. Они меняют цвет, иногда темные, насыщенно карие, но стоит только солнцу коснуться радужек, как они зеленеют. Точно колдун. Настоящий...

«Приди в себя, Катя!» – даю себе словесный подзатыльник.

Девчонки уже расселись за столом, и теперь я слышу, что так бурно обсуждают Тим с Андреем – поездку в Питер. А точнее, свои планы там на ночь. Пока я услышала только про какой-то клуб для своих.

Вертолетов, наш куратор, решил вывезти класс в Северную столицу, чтобы окультурить учеников. По плану Эрмитаж, Русский музей и что-то еще... Я не особо слушала. Но эти четыре дня обещают быть насыщенными.

Ставлю поднос на стол и замечаю, как Дан отодвигает для меня стул. Единственный свободный. Рядом с ним, конечно. Невзначай и словно специально. Вроде такой крошечный жест, но теплом заливает мгновенно. Накрывает волной эмоций, они разные – от трепета до обдающего холодом ужаса.

Мне кажется, что все в этот момент только на нас и смотрят, но на самом деле даже внимания никто не обращает. Снова выдыхаю.

Немного смущаюсь, конечно, но внешне стараюсь этого не показывать. Бойко улыбаюсь, как и всегда, принимаю подобную милоту за само собой разумеющееся, будто для меня каждый день не по разу стулья отодвигают.

– Да свалим, – брат закатывает глаза.

– Вертолетов будет начеку, – вклинивается Янка, – ничего не выйдет.

Яна опечаленно поджимает губы. Ей очень хочется потусить в Питере с моим братом, и лучше наедине, конечно.

Тим от ее унылых предположений демонстративно отмахивается.

– Есть у меня одна идея, – ухмыляется Азарин, – снимем ему какую-нибудь топовую матрешку – и-и-и-и, следите за движением рук, – со смехом показывает неприличный жест, стуча ладонью о кулак. – Пока он ее пялит, и свалим.

Дан хмыкает, а я демонстративно прикрываю лицо рукой. Только мой двоюродный брат может выдать настолько «гениальную» идею.

Случайно задеваю ногу Даниса под столом своим коленом и снова чувствую взгляд.

На самом деле после произошедшего в доме Курьянова наша с Данисом отдаленность не более чем фикция. Показательная и, видимо, нужная нам обоим. Лишь на людях мы выглядим отстраненными...

А так... так мы переписываемся днями, вечерами и ночами с того самого дня. Поэтому сейчас почти по инерции я беру телефон и печатаю сообщение:

«Ты тоже едешь?»

А потом внимательно наблюдаю за его реакцией. Не упуская ни единой детали, смотрю на то, как длинные пальцы обхватывают смартфон, а зеленые глаза бегают по строчке текста. Он едва заметно улыбается, кивает, а потом пишет ответ.

«Тожже».

«И в клуб с ними пойдешь?»

В ответ приходит смайлик, что пожимает плечами.

«Если да, я хочу с вами. Уговори Тима».

Данис приподнимает бровь и смотрит на меня. Делаю честные-честные глаза.

– Пожалуйста, – это уже одними губами выдаю.

Кайсаров едва заметно кивает. Улыбаюсь, снова задевая его ногу своей, и тут же краснею. Отворачиваюсь буквально на секундочку, потому что ощущаю прикосновение его пальцев к тыльной стороне моей ладони все под той же крышкой стола.

Я совсем недавно поняла, что, оказывается, Данис делает все, о чем я его прошу.

Он промолчал про вечеринку, несколько раз помог с докладами по истории и мировой культуре, спасая меня от двойки. Но, честно говоря, я ему эти доклады специально подсунула, чтоб были поводы для общения.

Параллельно и сама все выполнила, просто... Мне приятно, когда он соглашается.

Вот как и сейчас. Телефон снова пиликает.

«Что-нибудь придумаем. Вообще, я хотел позвать тебя на развод мостов».

«Я согласна. Считай, что уже позвал».

Заливаюсь краской и с довольным лицом начинаю уминать свой салат.

То, что произошло в доме Курьянова, явно нас сблизило. Тайна, ставшая чем-то большим, особенным.

Я до последнего сомневалась в нем, до дрожи в коленках боялась, что эта история вот-вот всплывет, но нет. Данис и словом не обмолвился, а еще... еще ни разу не упрекнул в том, что я вообще туда пошла. В отличие от Тима, который потом неделю прикапывался насчет выдуманной истории про Лизу и того, как мы с Даном оказались на Азаринской кухне. Не представляю даже, что бы было, узнай брат правду.

Звонок разлетается по стенам школы неожиданно. Я толком и поесть не успела. Все двадцать минут просидела в размышлениях и переписке. Ребята исчезают так же быстро, как и появились. На урок, конечно, не спешат, но у нашего завуча есть особенность – заглядывать в столовую сразу после звонка и вешать ученикам выговоры за нерасторопность.

– Токман! – грозный женский голос звучит прямо надо мной. – Шевелимся, урок уже начался. И вы, Кайсаров, тоже ногами шевелите.

Оглядываюсь. Оказывается, пока я сидела над салатом, а все разбегались по классам, Данис остался со мной.

– Мы уже идем, – его ладонь касается моей. Обхватывает крепко-крепко. – Пошли, – он вытягивает меня из-за стола в коридор.

На автомате перебираю ногами и улыбаюсь как полная дура.

– Мог бы не ждать, она точно нажалуется директору.

Дан молча пропускает меня вперед, на лестницу. Интересно, это галантность или он просто хочет попятиться на мою задницу?

Уже у двери в класс мы замедляемся. Почему-то никто не горит желанием зайти внутрь.

– Ты правда хочешь пойти с ними в этот клуб? – Данис звучит тихо, но мне кажется, с легким неодобрением, что ли. – Есть много более интересных вещей, – выдает невозмутимо, и я, конечно, не могу не согласиться.

На самом деле я никогда не была в клубах, и мне просто интересно. Вслух, конечно, я говорю другое...

– Не знаю, но хочется повеселиться, – веду плечом и прилипаю спиной к стене. – Одни в другом городе...

– Молодые люди, вы так и будете здесь стоять?

Голос физика так внезапно врывается в наш диалог, что от неожиданности я даже сумку роняю. Надеюсь, он ничего не слышал...

– В класс проходим, не стоим. После уроков на милуетесь.

От таких заявлений впадаю в еще больший ужас, но это глубоко внутри. Внешне же лишь закатываю глаза и, подобрав свою сумку, захожу в класс.

После урока мы разбредаемся по комнатам. Допзанятия сегодня разрешили не посещать, так как поездка в Питер уже завтра. Директор согласился распустить нас по домам, чтобы мы могли собраться, попрощаться с родителями и приехать на вокзал уже самостоятельно.

Папин водитель приезжает за мной ровно в пять. На улице уже начинает смеркаться. Пересекаю парковку, а потом притормаживаю, потому что замечаю Даниса. За ним тоже приехал водитель. Наблюдаю, как мужчина в черном облачении открывает для Кайсарова дверь, и ныряю в салон уже своей машинки.

– Катерина, – Владимир, как всегда, приветлив, подмигивает в зеркало, а потом вручает мне пироженку.

– Я так с вами растолстею и не влезу в машину, – смеюсь, а сама распечатываю упаковку. – Боже, с соленой карамелью. Обмомжаю, – бормочу с набитым ртом, а уже дома получаю от Лидочки нагоняй за то, что отказываюсь есть.

– Он опять кормил тебя пирожными?! – возмущается наша помощница по дому. – Катя, ты испортишь желудок!

– Лидусь, – расплываюсь в улыбке, – они такие вкусные, я не удержалась, – посылаю ей воздушный поцелуй и бегу к себе.

– Егоза, – звучит мне вслед.

Мама с папой вот-вот должны приехать. Я за это время как раз чемодан собираю.

Четыре дня. Так-с, замираю в гардеробной, что мне нужно на четыре дня?

В итоге беру пару платьев, футболку, стайлер и даже еще одни ботинки, которые больше подходят к черному платью.

– Катюня, – как только слышу мамин голос в коридоре, двигаю туда.

– Привет, – обнимаю маму, чмокая в щеку. – Вы сегодня рано.

– Обещали же. Вещи собрала?

– Почти, поможешь?

Мама с энтузиазмом следует за мной. Мы зависаем в гардеробной около часа, пока уже за нами не приходит папа.

– Вы тут живы?

– Живы-живы, – улыбаюсь, наблюдая за приближающимся отцом.

На нем футболка и серые спортивные штаны. Он садится на двухместный ярко-розовый диванчик в центре моей обители вещей, закидывая ногу на ногу.

– Ты на четыре дня едешь или на месяц от нас решила отчалить? – интересуется со смешком.

– Папа, здесь все нужное, – ворчу, пытаюсь застегнуть чемодан, который ни в какую этого делать не хочет. – Поможешь? – прикусываю губу.

Папа с усмешкой поднимается на ноги и направляется к нам. Мы с мамой сидим на полу рядом с дорожным другом. Папа придавливает крышку коленом и без особых усилий застегивает чемодан. Как я застегну его потом, понятия не имею...

– Шмотница, – журит папуля.

– В маму, – вздыхаю, а потом громко смеюсь.

Мама насмешливо грозит мне пальцем, а потом задает слишком неудобный вопрос. По крайней мере сейчас.

– Как там твой друг?

– Нормально, – бормочу вымученно. – Договорились посмотреть развод мостов, кстати.

– Как романтично.

Мама широко улыбается, чего не скажешь о папе. Он вот не очень-то рад.

– Разве в вашей программе есть развод мостов?

Смотрю в пол.

– Катя, – снова папин голос, – не говори только, что хотите сбежать одни.

– Нет, нет, – отмахиваюсь, – Вертолетов сжалился и включил развлекательную вечернюю программу.

– А почему тогда именно с другом договорились? – бросает в меня моими же неосторожными словами.

Папа не мама, он все запоминает и почти всегда знает, когда я вру.

– Вань, – мама приходит на помощь моментально, – что ты к словам цепляешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.